Враг будет разбит, победа будет за нами!

Суть времени

www.eot.su

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения
можно по телефону 8–800–100–97–24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

11 ноября 2026 г.

№ 687

7 ТРАМПАТОЛОГИЯ

Разгром республиканцев может превратить выборы 2028 года в последние: победитель получит возможность переписать саму политическую систему США

9 ЯЗЫК, ЛОЖЬ И ИСТИНА В ПАДШЕЙ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ. ЧАСТЬ 2

Империя Габсбургов пыталась заменить революцию культурой, но лицемерие превратило язык гуманизма в инструмент управления — и эту модель унаследовал Евросоюз

12 КТО ЗАВАРИВАЕТ ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬОН. О РЕЖИССЕРАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОТЕСТОВ

Справедливые требования французов превращают в управляемый погром — чтобы сорвать выборы, вытеснить суверенистов и расчистить путь фашизации Европы

14 МОДЕРНИЗМ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Модернизм искал новый язык, чтобы спасти человека после краха гуманизма — но высокая культура, оставшись достоянием узкого круга, не смогла уберечь СССР от разрушения

ISSN 2500-0330

Отказ от справедливости превращает общество в скотство и смерть — Великий Октябрь вернул России историю и показал, какой силой становится народ, пожелавший изменить саму жизнь

Откуда жизнь

Обращение Сергея Кургиняна 7 ноября 2026 года

Я вообще-то не считаю, что качество мысли определяется средой, в которой ты осуществляешь мыслительный процесс. Потому что мне кажется, что мысль течет сама по себе, и когда она течет, то ты как бы находишься вне любой конкретной среды: Москвы, провинции... Ты в другом измерении.

Но так получилось, что многое серьезное, написанное мною, или, скажем так, то, что я считаю серьезным, было написано в костромской глубинке во время так называемых отпусков. И я эту глубинку люблю саму по себе, но оттого, что там мною так много написано, я ее люблю еще больше. И сейчас я говорю «Великая Октябрьская Социалистическая революция», находясь в этой глубинке.

Так вот, может быть, мысли и не важна среда: географическая, природная, социальная — в которой ты этой самой мысли, так сказать, предаешься. А вот есть ли у тебя собеседники, это для мысли очень важно. Она по-разному течет при наличии собеседников и при их отсутствии.

У меня в костромской глубинке на протяжении достаточно длительного периода была одна собеседница, ныне давно уже ушедшая в мир иной, которая, в отличие от меня, являлась коренным жителем (или жительницей) этой глубинки и в силу многих социальных причин не имела высшего образования. Но в качестве собеседницы она была замечательна и, по мне, — притом что я ценю образованность, ум, компетентность — все равно эта женщина как собеседница (а собеседница — это для меня очень ценное качество) была интереснее, притягательнее десятка докторов наук.

Мы с ней обсуждали очень многие темы, и меня поражало то, насколько ей, находившейся уже на пенсии и не выходившей из своего деревенского дома, было важно все, что происходит, что будет происходить с человечеством, что происходит в Америке, в Европе, в Китае или у нас, тем более — что такое эта самая перестройка, к которой она относилась очень скептически. Глядя в телевизионный экран на то, как яростно обсуждают политические проблемы только что из-

Продолжение на стр. 2

Виктор Орешников. В штабе обороны Петрограда. Ноябрь 1917 года. 1949

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Продолжение. Начало — на стр. 1

бранные народные депутаты (шел 90-й год XX столетия), она как-то очень понимала, насколько это все пустобрехия, и говорила по этому поводу, как всегда в таких случаях, сочно: «Это кого-ж мы навыбирали, андел мой? Одна романтика». И потом: «Фермеры? Да... И кто же это на ком, андел мой, пахать-то будет? Ты на мне или я на тебе?»

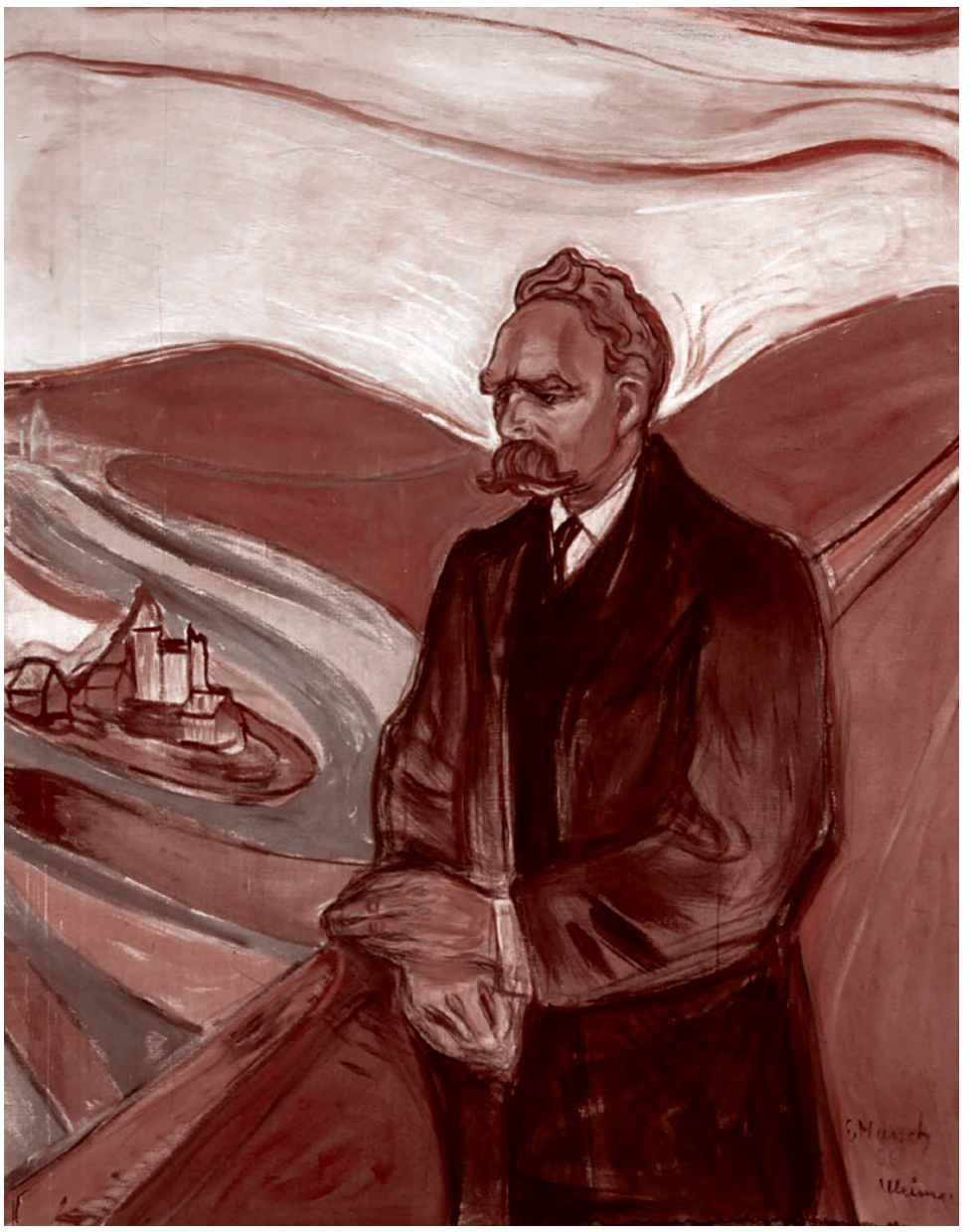
Но это все были частные темы. Мою собеседницу гораздо больше волновали судьбы человечества. Она ощущала себя частью этого человечества. Она понимала, что недолго еще продлится ее земная жизнь, но при этом интерес ее к будущему человечества был огромен. У нее, кстати, не было детей и мужа не было — так сложилась жизнь. И была в ней какая-то внутренняя непостижимая, загадочная аристократичность, которая сочеталась с неполным средним образованием и всем прочим.

И вот однажды мы заговорили о справедливости. Я просто почему-то произнес это слово, оно не является для меня часто используемым. Она вдруг очень посерьезнела и сказала: «Справедливость? У, милый! Так за справедливость я босиком по раскаленным углям пойду. Да ничего на свете более дорогого нет. Только ее ж нет, этой справедливости, ни у них (показала на экран), ни у тех, кого они так критикуют. Ее и там, и там нет».

Это было сказано с горечью и с абсолютным пониманием того, что ничего желаннее этой справедливости нет, что история человеческая — это, скажем так, в первом приближении — возжаждать справедливости. Именно справедливости в ее как бы недостижимой абсолютности и при этом острейшей необходимости.

И слушая эту мою собеседницу, уже тогда я почему-то вспомнил Ницше, который сказал, во-первых, что нужно быть человеком очень неумным, чтобы не понимать, насколько это одно и то же — жить и быть несправедливым. А еще он сказал, что над жизнью нет судьи. А если жизнь несправедлива и над ней нет судьи, то понимаете, что получается?

Так вот, когда так получается, то все начинает умирать, причем довольно быстро, до омерзительности пошло и как-то невыносимо отвратительно. Это может быть очень сладкое умирание, вполне даже благопристойное и респектабельное. А может быть и валянием в скотском состоянии под забором. Не важно. Умирание — это всегда умирание. Оно всегда несет в себе вот это точное понимание, что если ты сказал этому «да», то ты смирился и ты уже ничто, и что сказать этому «нет» надо, и что не можешь ты оторвать это «нет» от понятия справедливости, каким бы оно ни было.

Эдвард Мунк. Фридрих Ницше. 1906

Я сейчас это говорю, и мне вспоминаются слова одного поэта, скажем так, несопоставимого с Александром Блоком, но тем не менее сумевшим что-то ухватить:

О состраданье! Нет грознее силы,
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость!
Он хватает вилы —
Спасать несчастных!
Он топор берет.
<...>
«Авроры» залп!
Встают с дрекольем села.
Но это ж началось в минуту ту,
Когда Радищев обшлагом камзола
Утер слезу, увидев сироту.

А теперь сам Радищев: *«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»*.

Ничего нет более загадочного, чем понятие «душа». Прошли самые серьезные Вселенские соборы первого тысячелетия нашей эры, было ясно, кто ведет споры на этих соборах, что есть тройственность: дух, душа, тело. А потом как-то — еще надо точно посмотреть, как — все это было спущено на тормозах и как бы сказано, что то ли есть дух и тело, то ли душа и тело. Не хочу сказать, что в интеллектуально-религиозной среде это было совсем спущено на тормозах, но как-то все замылили — и неслучайно.

Потому что душа — это очень сложное понятие. Она трепещет, она может уклоняться ко злу. Она блуждает, мается. Но если ее нет, нет ничего. И это касается всего на свете, в том числе и бытия в целом. Душа соединяет дух и материю. Душа создает формы. Она может в этом запутаться, а может быть, эти формы будут даже и уродливыми, но если ее нет, то материя будет бесконечно косной и неоформленной. Ну а дух — он никакого интереса к этой самой материи не будет проявлять, у него посредника с ней не будет. Он окажется сам по себе, она сама по себе. Никто не понимал это лучше Гегеля.

Душа, время, сострадание, справедливость, история — вот что такое координаты, вне которых нет и не может быть понимания значения Великой Октябрьской Социалистической революции, всех революций вообще. И этой, которая, конечно, была величайшей. И, может быть, она и есть то величайшее, что русский народ, — а нас всех называют русскими, и это правильно, — принес миру. Очень стыдно бывает, когда сталкиваешься с непониманием этого бесконечного величия. И тут ведь не в одном Радищеве дело, как бы он ни был важен.

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
<...>
Падет произвол,
и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья,
вы честно прошли
Свой доблестный
путь благородный.

Я еще помню, как это пелось на революционных похоронах, когда на красном лежал тот, кого хоронили, когда вокруг стояли, и пели, и говорили о великом, и когда похороны еще не были разменены на застолья, вспоминания каких-нибудь интимно-частных, может быть, очень теплых случаев, и так далее. Когда говорилось только о великом. Я, присутствуя на этом, думал: «Вот ведь подлинно религиозные похороны».

И конечно, то, что пронизывает по-настоящему Великий Октябрь, — было очень религиозным. Очень, до крайности! Все было пронизано волей к справедливости и пониманием того, что если ее нет, то нет ничего, что душа либо взыскует справедливости, либо умирает. Что для нее чужое горе в каком-то смысле еще больше, чем собственное. И что для нее дальний, ближний... «Любите ближнего своего, как самого себя». В позднесоветскую эпоху один из бардов высказался по этому поводу так:

А себя я люблю не очень,
И других я не очень люблю...

Вот те, кто делали революцию, любили других. И в этом смысле любили не себя, а великое в себе. Крупицу великого в себе, то есть эту самую живую душу. Настоя-

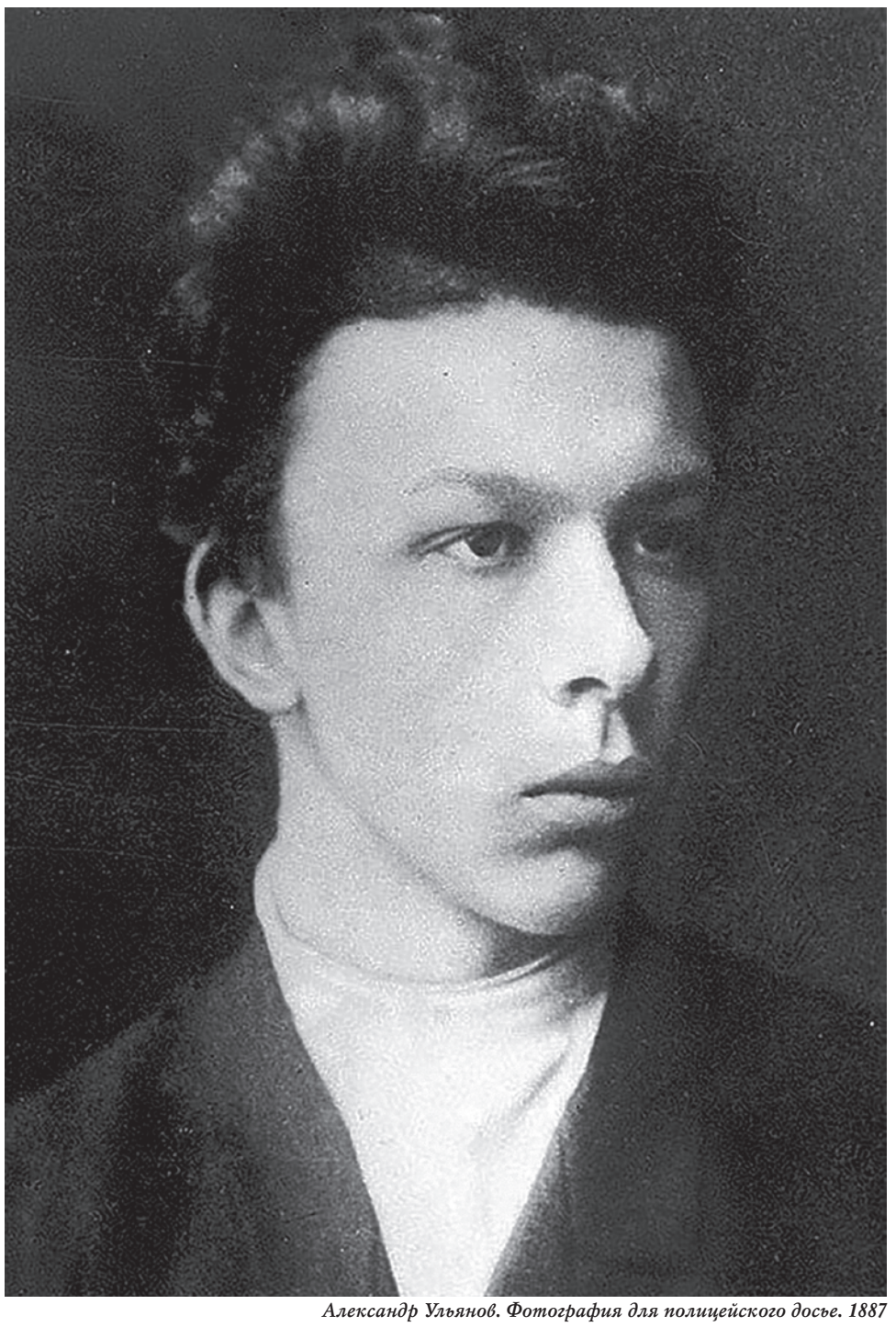

Соломон Боим. Первый выстрел Авроры. 1947

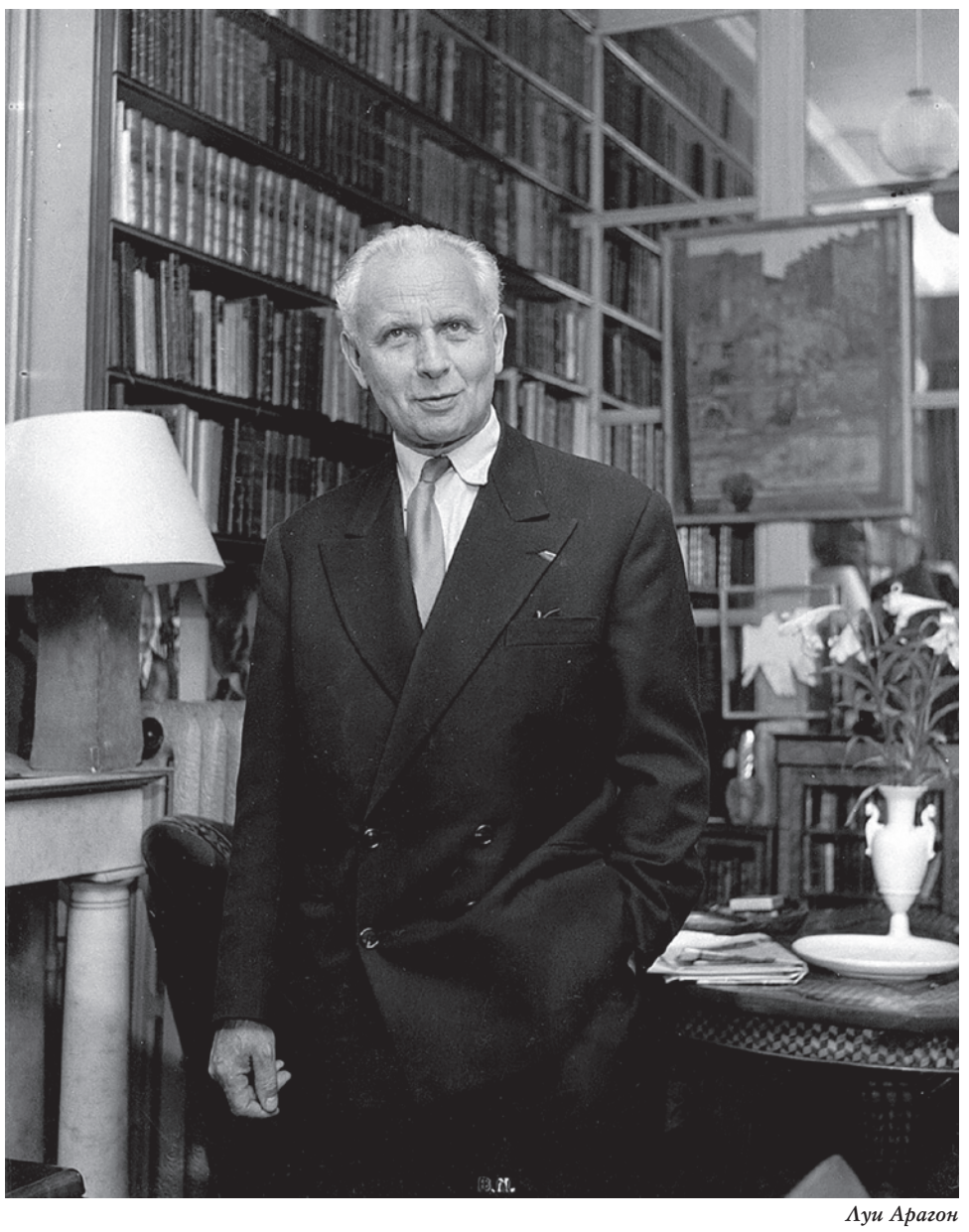

Павел Соколов-Скаля. Взятие Зимнего дворца. 1939

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Александр Ульянов. Фотография для полицейского досье. 1887

Луи Арагон

щий подлинный Маркс, — а без него никакая Великая Октябрьская Социалистическая революция или коммунистические революции в других странах обсуждаться не могут, — был твердо уверен, что капитализм, с которым он борется, это смерть души.

Когда говорят «духовная смерть», то в этом смысле имеется в виду смерть души. *«В холодной воде эгоистического расчета»* утопили они всё, говорится в Манифесте. Если кто-нибудь читал первые редакции Манифеста, то они несравненно хуже написаны, чем та, которая в итоге зажгла сердца. И не только в России, повсюду понятие справедливости и несправедливости имело решающее значение до тех пор, пока можно было говорить о живой душе. А это очень серьезный разговор.

Да, существует ад!
И в нем живут мильоны.
Да, существует ад!
Его свидетель ты.
Ад — это труженик
коленопреклоненный, —

пишет Луи Арагон. Он пишет о том, что народ страдает, чтоб жить могли другие. А дальше добавляет, говоря о народе:

Но ты Христос,
ты все апостолы святые,
И все, что значишь ты,
в день Пасхи мы поймем.

Итак, коль скоро речь идет о Великой Октябрьской Социалистической революции, — так всюду она есть как нечто живое. *«Народ освобожден, но счастлив ли народ?»* — пишет Некрасов. «Народная воля» называется организация, народовольцы...

В своей речи на процессе, где его приговорили к смерти, старший брат Ленина Александр Ульянов (которого наши консерваторы именуют террористом и который действительно готовил террористический акт против царя, потому что были закрыты «Отечественные записки» как свободомыслящее издание) сказал: «Вы можете нам запретить избирать, участвовать в политической жизни, но вы не можете запретить нам читать».

У Достоевского брат Алёша говорит в «Братьях Карамазовых» о брате Иване, что он такой человек, что ему жить или умереть — не важно, важно мысль разрешить.

Вот эти все русские мальчики, цену которым знал Достоевский и которые в конечном итоге и делали революцию, им важно было мысль разрешить, но больше всего внутри этого было вот этой страсти по народу, глубочайше христианской по своей сути.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!

Это христианская формула. «Мы пойдем к нашим страждущим братьям...» «То наши братья», — пишет один из таких народовольцев.

Александр Ульянов на процессе, где он должен был бы просить о помиловании или о чем-нибудь еще таком небесполезном, глядя на своих судей, говорит с потрясающим высокомерием, которое все-таки, наверное, правомочно называть благородством души: *«Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданны своей идее и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя испугать ничем»*.

Хорошие это люди или плохие, приносят они с собой одно или другое, можно спорить. Но историю делают они. А когда ее перестают делать, возникают ад и смерть. А ее не будут делать, если нет души, душевной боли, страсти по справедливости и вот этого «мы пойдем к нашим страждущим братьям». Без этого ничего не будет.

В фильме «Девять дней одного года», не худшем фильме Ромма, есть одно по-настоящему стоящее место, когда отец главного героя, приехавшего в свою родную деревню, спрашивает сына: «Ты бомбу делал?» Сын отвечает: «Делал. Не делал бы я ее, не было б у нас с тобой, батя, этого разговора, и половины человечества тоже». Так вот, не делали бы историю, контристория возобладала бы, и она, конечно, была бы фашистской.

Время, история и душа очень тесно связаны друг с другом. Одержимый адом и присягнувший ему герой романа Томаса Манна «Доктор Фаустус» Адриан Леверкюн (притом что мы понимаем, что прототипом был все тот же самый Ницше, который говорил об отсутствии справедливости и ее невозможности в пределах жизни) говорил своему другу, уже окончательно встав на рельсы, проложенные адом: «Я понял, этого не должно быть». Друг спрашивает: «Чего не должно быть?» Герой говорит: «Доброго и благородного. Того, что зовется человеческим... Того... во имя чего штурмовали бастилии. <...> Оно будет отнято. Я его отниму». Друг его спрашивает: «Что ты хочешь отнять?» И герой отвечает: «Девятую симфонию».

Как потом развернулось все, связанное с революцией — это вопрос отдельный. Но я почему-то вспоминаю, как в каком-нибудь девятом-десятом классе средней школы я проходил практику в газете «Московская правда», в типографии. Прямо в типографии, на этаже, где были всякие инженеры. И одна женщина, которая потом эмигрировала, все время ходила вниз, туда, где рабочие печатали издания, с какими-то очередными заданиями, почеркушками конструкторскими, не знаю, какими-то инженерными.

Каждый раз, приходя назад, она сообщала: «Наш славный гегемон опять пьян». Или: «Я прихожу к гегемону, а он лыка не вяжет». И я все задумывался: а как же

Окончание на стр. 4

Арнольд Бёклин. Автопортрет со Смертью, играющей на скрипке (фрагмент). 1872

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Окончание. Начало — на стр. 1–3

вот это все произошло, что «мы пойдем к нашим страждущим братьям», «золото, золото, сердце народное»...

Где народ, там и стон...
Эх, сердечный!
Что же значит
твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль,
исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Все, что мог,
ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

Как вот это с пошлостью на тему «гегемона, который пьян» и так далее, — как одно с другим-то сочеталось? Как одно в другое перетекало?

Вот это перетекание и есть важнейшее слагаемое краха Советского Союза, построенного Великой Октябрьской Социалистической революцией.

Советский Союз построен великой исторической мечтой, имя которой Великий Октябрь. Это мечта о справедливости, о подлинной справедливости. И когда говорится, что жить и быть несправедливым — это одно и то же, то нельзя же сказать, что это совсем ни на чем не базируется. Конечно, это базируется на многом. Но тогда народ, совершающий революцию, говорит: «А мы так изменим жизнь в ее самых фундаментальных основаниях, что она станет совместима со справедливостью».

Возможно ли это? Черт его знает. Может, и невозможно. Но как только этому перестают жертвовать, об этом перестают мечтать и этого перестают хотеть с невероятной силой, то жизнь превращается в скотство. А скотство — в смерть и ад.

Когда я защищал Великую Октябрьскую Социалистическую революцию и все с ней связанное: Сталина, Ленина и так далее — в цикле передач по телевидению, я все время думал: «Мои оппоненты испытали горе, связанное с той эпохой?» Они же, если иметь в виду их род, были на коне. А у меня деда расстреляли в 1938 году как царского офицера, воевавшего в Первую мировую, а потом артиллерийского офицера, перешедшего на сторону большевиков, как человека, который ничего не хотел, кроме как быть лесничим, и все же пошел под раздачу. Это сильно, не так фатально, как в других случаях, но сильно поломало жизнь матери, значит, в каком-то смысле и мою. Но ведь дед принял революцию и пошел к большевикам.

И когда его спрашивали: «Почему?» — говорил только о справедливости, радовался каким-то проявлениям этой справедливости, сердился, когда их не было, говорил матери: «Вот смотри, нищие... Как же так — мы им все отдали, и не жалко, а они не могут распределить».

Вот это «все отдали», это точное ощущение, что есть что-то такое, ради чего на многое можно пойти, и что это связано с народом — оно было непоколебимым. Тот же Арагон писал:

Мы видим рабство и гнет,
Произвол и насилье повсюду. —

а дальше, внимание! —

Безмерно чувствуем стыд,
Ибо народ наш унижен,
И этим унижены мы.

Как это все сломалось? К чему это привело? Чем это чревато?

Гамлет в трагедии Шекспира говорит по этому поводу: *«Вот он, гнойник довольства и покоя: прорвавшись внутрь, он не дает понять, откуда смерть»*.

Когда мы обсуждаем Великую Октябрьскую революцию в очередную годовщину этого грандиозного исторического события, то надо обсуждать, откуда жизнь.

Жизнь — из истории, у нее нет других истоков. Жизнь основана на том, что существует воля к ее радикальнейшему преобразованию. Но преобразование это неотделимо от любви, и сострадания, и страсти по справедливости. Те, кто совершил революцию, построили СССР, потом вывели его в абсолютно другое качество, потом победили фашизм, стремившийся покончить со всем сразу: со справедливостью, историей и многим другим, — были великими людьми.

Я уже говорил об Александре Ульянове... Когда его младший брат, он же Владимир Ильич Ленин, приехал в эмиграцию, Плеханов кричал Аксельроду, Засулич и другим: «Я знаю эти глаза. Это глаза его брата. Это страшное дело, я бежал из «Народной воли», потому что там такие глаза были. А они теперь к нам пришли, и нам всем конец. Мы ничего не сможем этому противопоставить».

Ведь нетрудно себе представить Ленина как другое издание Керенского. Дворянская семья, между прочим, очень религиозная и прочее, в которой выросли и Володя, и Саша. Как говорил отец Керенского, который был преподавателем у Ленина, блестящие успехи по всем дисциплинам, но самые высокие оценки по древним языкам и Закону Божьему. Юридическое образование, адвокатская карьера на уровне лучших адвокатов России после александровских реформ. Государственная дума, мало ли что еще.

Но у Ленина было что-то другое. Там была такая исступленная любовь к страдающим братьям, такое понимание единства народа и исторической судьбы и такая страсть по истории, что в итоге удалось доведенную до края пропасти империю спасти, обновить, укрепить и превратить в гигантскую сверхдержаву.

А вот то, что произошло потом, — это отдельная история. «Наш славный гегемон опять пьян»... Или у Галича: «Не будите его, не надо, пускай человек поспит»... А человек не может спать. Гнойник довольства и покоя обязательно прорвется внутрь. Единственное, что не дает этому гнойнику сформироваться, называется историей, и это объект высшей религиозной веры и Ленина, и Маркса, и многих других. Той самой историей, о конце которой заговорил Фукуяма, и реальный конец которой означает смерть: смерть души, смерть человечества, кромешная тьма ада. Мир катится к этому после того, как все, содеянное Великой Октябрьской Социалистической революцией, оказалось разменяно на довольство и покой.

И нельзя сказать, что это было произведено только по наущению зловещего иноземного империализма. Уклонилась душа, сильно уклонилась. И горькой будет плата за это. Но если есть воля к жизни и тому высшему, что эту жизнь преобразует, то ее квинтэссенцией является великая человеческая страсть, породившая Великий Октябрь и сумевшая в дальнейшем не допустить краха истории, прихода контристорических сил смерти и триумфа нацизма.

А вот что будет дальше, зависит от того, проснется ль, «исполненный сил, иль, судеб повинуясь закону», все, что мог, он уже совершил и почил духовно навеки? Мы верим в другое. И в этой вере наше единство с теми, кто совершил одно из величайших деяний в мировой истории — победу в Великой Октябрьской Социалистической революции.

С праздником, дорогие товарищи! С праздником всех, кто в силу исторических судеб этому сопричастен.

Душа чистая. Ярославль. XVIII век

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Больше дронов хороших и разных

На фронтах спецоперации

КИЕВ, 28 октября — «Страна.UA»

Россия требует для достижения мира на Украине заключить отдельное соглашение с НАТО или США о европейской и мировой безопасности, рассказал Владимир Зеленский. По его словам, в этом соглашении речь может пойти об изменении всей системы безопасности в Европе.

Зеленский также рассказал, какие варианты территориальных компромиссов на разных этапах переговоров предлагали США:

- демилитаризованные зоны;
- сценарий вокруг Запорожской АЭС, совмещенный с обменом территориями;
- создание буферной зоны в Донбассе по обе стороны линии соприкосновения (по словам Зеленского, Украина была готова обсуждать такой вариант);
- Кинбурнская коса — США предлагали сделать ее демилитаризованной зоной и оставить ее под контролем Украины.

Зеленский сказал, что прогресса нет ни по какому из вариантов, а обсуждать территориальный вопрос он готов только лично с президентом Владимиром Путиным.

КИЕВ, 27 октября — «Украина.ру»

Экс-командир нацбатальона «Азов»* и нынешний зам. командира 3-го армейского корпуса ВСУ Максим Жорин публично потребовал вернуть Украине ядерный статус.

По его логике, международные договоренности больше ничего не значат, поэтому Киеву жизненно необходимо обзавестись собственной «грязной» или полноценной ядерной бомбой. Жорин раскритиковал Будапештский меморандум и заявил, что единственной реальной гарантией безопасности для режима может быть только ядерное оружие.

МОСКВА, 30 октября — РБК

Украина атаковала три российских НПЗ и один газохимический комплекс, на одном заводе небольшие повреждения, а в целом ПВО сработала, заявил вице-премьер России Александр Новак «Вестям».

Атаки подтвердил помощник президента РФ Юрий Ушаков: *«Да, в очередной раз ослушались* [Трампа] *и просто, я бы сказал, игнорируют даже его. Хотя Трамп в этом вопросе был настойчив и продолжает оставаться настойчивым, но не слушаются»*.

МОСКВА, 30 октября — «Коммерсант»

Удары ВСУ по российским НПЗ не осложняют подготовку переговоров РФ, Украины и США, заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. По его словам, переговорный процесс продолжится.

При этом Москва не собирается инициировать обсуждение украинских ударов по НПЗ на предстоящих переговорах в Абу-Даби. *«Мы противодействуем, мы ведем СВО, чтобы лишить киевский режим возможности вообще наносить удары, и мы достигаем таким образом своих целей»*, — добавил Песков.

ВАШИНГТОН, 30 октября — РБК

Госдеп США одобрил возможную продажу Украине 500 ракет к комплексам Patriot и сопутствующего оборудования на $2,1 млрд. Сделку полностью профинансируют партнеры и союзники.

Зеленский сообщил, что поставки ракет Patriot начнутся только через несколько лет.

КИЕВ, 2 ноября — РБК

Украина может перестать наносить удары по российским НПЗ, если США продадут ей запас ракет для Patriot на месяц, заявил Зеленский в интервью Fox News.

МОСКВА, 2 ноября — «Ведомости»

«Ростелеком» работает над созданием заглубленных («подземных») центров обработки данных (ЦОД) с повышенным уровнем защиты от внешних угроз, сообщил один из топ-менеджеров компании. В настоящий момент «Ростелеком» ведет переговоры с «Норникелем» о создании такого ЦОД.

Третьим будешь?

ЛОНДОН, 24 октября — The Guardian

США, Россия и Китай могут разделить мир на сферы влияния. Важным шагом к этому может стать предполагаемая встреча лидеров этих трех государств в ноябре в Китае, пишет в своей колонке для The Guardian бывший международный редактор The Observer Стив Блумфилд.

По его мнению, Трамп фактически отказывается от прежней американской политики, основанной на поддержке западных союзников и противодействии усилению России и Китая. Вместо этого Вашингтон все больше склоняется к договоренностям между крупнейшими державами, каждая из которых получит преимущественное влияние в своем регионе.

Автор обращает внимание на опубликованную в конце прошлого года стратегию национальной безопасности США, в которой почти отсутствует критика России и Китая, зато много претензий к традиционным союзникам Вашингтона в Европе и Азии. Блумфилд в этом контексте напоминает о претензиях России на управление постсоветским пространством, а Китая — на Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря.

По мнению автора, возможное сближение трех держав затрагивает контроль над глобальными цепочками поставок, технологическими платформами, энергетическими ресурсами и космической инфраструктурой. Для США и Китая особое значение имеют технологии и международная торговля, для России — энергетические ресурсы. Все три государства также заинтересованы в контроле над космическими технологиями, которые имеют как коммерческое, так и военное значение.

Таким образом, возможные договоренности Вашингтона, Москвы и Пекина могут изменить не только политическую карту мира, но и распределение экономического влияния.

Еще 10 лет назад, напоминает автор, в качестве трех крупнейших центров силы рассматривались США, Китай и ЕС. Теперь в подобной конструкции место Брюсселя фактически занимает Москва.

Особую опасность такой сценарий представляет для Украины и Европы. Если США перестанут гарантировать безопасность Европы, Украина и Европа окажутся перед угрозой усиления российского давления. Аналогичная проблема возникнет в Азии, где Тайвань, Япония, Южная Корея и Австралия в значительной степени рассчитывают на военную поддержку США.

При этом европейские лидеры, по мнению Блумфилда, пока не готовы окончательно признать масштаб происходящих изменений. Несмотря на разговоры о необходимости самостоятельной обороны Европы, многие западные политики продолжают надеяться, что достаточно дождаться окончания президентства Трампа — и прежний порядок восстановится. Однако автор считает, что возврата к старому мироустройству может уже не произойти.

• • •

Переживания британцев понятны — они не хотят стать едой для участников нового трехполярного мира. Однако перспективы создания именно такой конфигурации полюсов (США — Россия — Китай) в данный момент представляются далеко не самым вероятным сценарием. А кроме того, система из трех полюсов является неустойчивой, поскольку двое могут сначала договориться «схарчить» третьего, а после возникнет уже знакомый нам по эпохе холодной войны биполярный мир.

• • •

ВАШИНГТОН, 26 октября — «Российская газета»

В США военные базы готовят к автономной работе в течение 90 дней. Речь идет о серьезном конфликте, который нарушил бы цепочки поставок и вывел из строя электросети, уточняет телеканал Fox News. По его данным, программа Пентагона FORTRESS America («Крепость Америка») предполагает, что каждый крупный военный объект должен три месяца работать без внешнего доступа к электроэнергии, воде, топливу и связи.

«Мы не хотим зависеть от обычной гражданской муниципальной инфраструктуры в вопросе национальной обороны. Мы просто не можем так. Это недопустимый риск», — заявил помощник главы Пентагона Шон Парнелл.

Он добавил, что ранее позиция Вашингтона по защите страны *«во многом опиралась на устаревшее предположение, что США защитят два океана»*. Главное опасение — зависимость ВС США от гражданских электросетей. Поэтому оборонное ведомство отрабатывает использование переносных ядерных реакторов, крупных аккумуляторных систем и микросетей. Пентагон также считает необходимым создание стратегических запасов боеприпасов, топлива, критически важных минералов, запчастей и медикаментов. *«Следующий конфликт, вероятно, будет вестись на нескольких фронтах. Когда это случится, мировые цепочки поставок будут нарушены»*, — подчеркнул Парнелл.

ВАРШАВА, 27 октября — «Европейская правда»

Польша и Великобритания подписали трехлетний план сотрудничества в сфере обороны, который включает противодействие дронам и обучение военных. Документ определяет стратегические направления взаимодействия ВС обеих стран до конца десятилетия.

БЕРЛИН, 27 октября — «Европейская правда»

Руководитель космического командования бундесвера генерал-майор ВВС Михаэль Траут твердо убежден в существовании внеземной жизни, но считает необходимым готовиться к отражению угроз, создаваемых людьми, пишет Welt. Траут назвал Россию конкретной угрозой, отметив, что теоретически она уже способна уничтожать иностранные спутники в космосе.

Недавно Германия, Франция, Австрия, Бельгия, Испания, Нидерланды и Швеция призвали коренным образом пересмотреть концепцию Европейского космического щита. Они хотят, чтобы ключевая роль в этой сфере принадлежала национальным правительствам.

ВАРШАВА, 26 октября — «Европейская правда»

Польша видит значительный потенциал для углубления сотрудничества с Германией в космическом секторе, заявил министр финансов Польши Анджей Доманский.

«Нам нужно инвестировать в технологии, которых пока нет в Европе, но которые чрезвычайно важны для нашей общей безопасности. Вместе с нашими немецкими партнерами я вижу большие возможности для сотрудничества, благодаря которому мы станем более устойчивыми к внешнему давлению, которое может возникнуть однажды», — сказал Доманский, упомянув космическую отрасль, во время совместной панельной дискуссии с министром экономики Германии Екатериной Райхе.

Доманский отметил, что безопасность начинается в космосе, и выразил сомнение в том, что страны смогут защититься, не имея собственных спутников, без которых они *«слепы»*. Он также добавил, что Польша решила удвоить свои инвестиции в космический сектор.

ПАРИЖ, 27 октября — «Европейская правда»

Министры обороны Франции, Германии, Италии, Польши и Великобритании после переговоров в Париже по вопросу усиления оборонной роли Европы пообещали более тесно сотрудничать с США. Вместе с тем они заявили, что готовы брать на себя бóльшую ответственность в рамках альянса.

ВС Германии впервые оценили угрозу российских диверсий против военных объектов и личного состава бундесвера как «значительную», это второй по величине уровень опасности.

ВАРШАВА, 2 ноября — РБК

Польская полиция проводит специальную операцию на границе с Калининградской областью в связи с информацией об угрозе диверсий, заявил главный комендант полиции, генерал-инспектор Марек Боронь в интервью RMF.

Польская бригада территориальной обороны будет следить за обстановкой на границе с Калининградской областью вблизи Сувалкского коридора и при необ-

* — организация, деятельность которой запрещена в РФ.

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

ходимости участвовать в обороне, сообщил командир Цезарий Кишковяк.

По словам Кишковяка, военнослужащие будут готовы оказать поддержку пограничной службе. В дальнейшем они смогут взять на себя ответственность за оборону границы, не заменяя пограничников в вопросах ее охраны.

БЕРЛИН, 2 ноября — РБК

Германия и Великобритания планируют совместно разработать два типа ракетного оружия для поражения целей на расстоянии более 2 тыс. км, сообщает Politico со ссылкой на внутренние документы немецкого минобороны. Речь идет о крылатой ракете и гиперзвуковом планирующем боевом блоке.

ПАРИЖ, 26 октября — «Коммерсант»

Франция ведет с другими европейскими странами переговоры о расширении своих ядерных сил сдерживания в Европе в условиях, когда роль США в регионе снижается, пишет Wall Street Journal (WSJ).

По данным газеты, тема переговоров — размещение в некоторых европейских странах французских истребителей Rafale, способных нести ракеты с ядерными боеголовками. При этом Франция хочет сохранить полный контроль над своими ядерными силами, так что другие страны не будут принимать участия в принятии решений.

Сообщается, что переговоры ведутся с Германией, Великобританией, Польшей, Нидерландами, Бельгией, Грецией, Финляндией, Швецией, Данией и Норвегией. По информации WSJ, Париж не приглашал к обсуждению Литву, Латвию и Эстонию, а Италия ответила на приглашение Парижа отказом.

Обсуждаемые планы — часть новой национальной ядерной доктрины Франции, о которой президент Макрон объявил в марте.

ХЕЛЬСИНКИ, 2 ноября — РБК

Финляндия присоединилась к французской инициативе по ядерному сдерживанию, работа по реализации этого сотрудничества началась на официальном уровне на прошлой неделе, сообщил финский президент Александр Стубб.

БЕРЛИН, 4 ноября — Bild

Норвегия, Финляндия и Польша расширяют программы военной подготовки гражданского населения на фоне угрозы со стороны России.

Норвегия пытается воплотить в жизнь программу «Тотальной обороны», которая предполагает участие всего общества в обеспечении безопасности страны.

Финляндия проводит добровольные курсы оборонной подготовки, на которых граждан обучают обращению с оружием и оказанию медицинской помощи. Ежегодно около 45 тыс. резервистов тренируются вести бои в городской застройке, использовать беспилотники и оказывать помощь раненым. В стране насчитывается примерно 50 тыс. убежищ, рассчитанных на 4,8 млн человек.

В Польше организовали курсы по эвакуации и базовым военным навыкам, на которые за первые недели записались 18 тыс. человек. Еще одна программа предусматривает практические занятия с военнослужащими, включая обучение обращению с оружием и гранатами. Подготовка начинается и в школах: подростки изучают основы первой помощи и выживания, а с 14 лет проходят занятия по стрельбе.

Дело было в Иране

ВАШИНГТОН, 28 октября — РБК

Расходы США на военные действия против Ирана выросли до $47 млрд, увеличившись более чем на $3 млрд за последний месяц, сообщила Hill со ссылкой на оценку Центрального командования ВС США.

ТЕГЕРАН, 27 октября — «Коммерсант»

Иран и страны Мекканского оборонного альянса (Саудовская Аравия, Турция и Пакистан) провели в Тегеране 26 октября первые совместные переговоры, посвященные урегулированию ситуации на Ближнем Востоке. В ходе контактов саудовская сторона передала Ирану послание для хуситов. В нем говорится, что королевство готово оказать группировке финансовую помощь в обмен на прекращение трансграничных ракетно-дроновых атак. По некоторым данным, Саудовская Аравия уже доставила в Тегеран для хуситов $1 млрд наличными.

Делегацию Саудовской Аравии в Иран возглавил министр обороны Халид бин Салман, пакистанскую — командующий армией Асим Мунир, турецкую — глава Национальной разведывательной службы Турции Ибрагим Калын. С иранской стороны на встрече, кроме секретаря ВСНБ Мохсена Резаи, присутствовали президент Масуд Пезешкиан и глава МИД Аббас Аракчи.

ТЕГЕРАН, 1 ноября — РБК

Иран объявил Королевский ВМФ и Королевские ВВС Великобритании террористическими организациями. Тегеран также включил британскую внешнюю разведку MI6 в список враждебных организаций.

МИД Ирана сообщил, что такое решение принято в качестве ответных мер на враждебные действия Лондона, предоставившего военные базы и логистическую поддержку США и Израилю для войны против Ирана.

ВАШИНГТОН, 30 октября — The New York Times

В результате войны против Ирана и вызванного ею топливного кризиса нефтяные компании США, спонсирующие Трампа, увеличили свои прибыли более чем в три раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Прибыль Exxon Mobil за квартал выросла более чем вдвое, Chevron — почти втрое, а Valero Energy — более чем в шесть раз.

За тот же период американские граждане потратили на оплату горючего дополнительно $147 млрд в результате войны и скачка цен. Получается, что каждое домохозяйство США дополнительно перечислило нефтегазовым воротилам примерно $1100.

ТЕГЕРАН, 1 ноября — РБК

Иран приобрел российские истребители Су-35 и рассчитывает получить их после окончания боевых действий, заявил представитель армии страны Мохаммад Акраминья в интервью Tabnak и Bitrun. По его словам, работа над приобретением самолетов велась несколько лет, а подготовка пилотов уже завершена.

ТЕГЕРАН, 26 октября — ParsToday

В рамках сценария ответного удара Ирана в перечень потенциальных целей комплекса «Цели нулевого часа» включены жизненно важные объекты инфраструктуры Израиля, Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Бахрейна, Омана и Иордании.

В список входят мосты, железнодорожные сети, аэропорты, порты, подводные кабели в Персидском заливе, нефтехимические предприятия, электростанции, опреснительные установки, технологические компании и центры искусственного интеллекта, гостиницы и торговые центры. Опубликованы карты с указанием точек для ударов.

ТЕГЕРАН, 31 октября — РБК

В Иране обсуждают возможность пересмотра ядерной доктрины в случае возобновления войны, заявил секретарь Высшего совета нацбезопасности Ирана Мохсен Резаи в интервью гостелеканалу Press TV.

ТЕГЕРАН, 31 октября — РБК

На угрозу любого уровня и типа должен следовать эффективный ответ без географических ограничений, распорядился верховный лидер Ирана Моджтаба Хаменеи на встрече с высшим командованием ВС Ирана.

Хаменеи поручил обновить список целей так, чтобы *«материальные и нематериальные активы»* США и Израиля находились в зоне досягаемости иранской армии, призвал укреплять архитектуру военной разведки, развивать оборону в сферах доктрины и тактики и наращивать оборонные возможности с использованием новых технологий.

ТЕГЕРАН, 2 ноября — РБК

Иран может нанести удары по американским военным базам в Европе в случае новых атак США, заявил иранский депутат Манучехр Моттаки в интервью Tabnak.

Он указал, что ряд стран, в том числе Великобритания, Италия, Португалия и Германия, предоставили свои военные базы американским истребителям, которые используют их для подготовки операций против Ирана. Поэтому эти страны, считает Моттаки, также несут ответственность за действия США.

ТЕГЕРАН, 4 ноября — «Страна.UA»

Иранское телевидение показало карту с Киевом, Львовом и Одессой, отмеченными среди потенциальных целей удара в случае возобновления боевых действий со стороны США. Карту сопровождала надпись: *«Наши ракеты достигнут Европы, и мы уничтожим американских империалистов с их союзниками»*.

• • •

Периодически возникает ощущение, что некие силы осознанно толкают мир к ядерной войне. И совокупность заявлений иранского руководства — очередное тому доказательство.

Назад в будущее

МОСКВА, 31 октября — «Октагон»

Финансовая система России возвращается в XIX век — в последние годы граждане стали чаще кредитоваться в ломбардах, а некоторые уже считают их еще одним финансовым институтом. Теперь в случае нужды в деньгах все больше людей идет не в банки, а в ломбарды и несет туда ювелирные украшения, гаджеты и др.

Наличие этого сдвига фиксируют как социологические опросы, так и объективные данные. В 2025 году число договоров между физлицами и ломбардами выросло по сравнению с 2024 годом на 13%, а совокупный размер оформляемых ими займов увеличился на 37%. В банках картина прямо противоположная: количество кредитов сократилось в 1,8 раза, а их общий объем снизился на 26,6%.

МОСКВА, 2 ноября — РБК

Минстрой РФ разработал концепцию введения инвестиционных надбавок к тарифам на тепло, водоснабжение и водоотведение, сообщил замдиректора департамента развития ЖКХ ведомства Федор Козлов на круглом столе в Совфеде.

Надбавки должны стать дополнительным источником финансирования ремонта и модернизации коммунальной инфраструктуры. Концепцию, которую Минстрой обсуждает с ФАС, Минэкономразвития и Минэнерго, планируют представить правительству до декабря.

Надбавки предлагают включить в платежи потребителей за тепло и воду. Их размер и возможные сроки введения не уточняются.

Ранее председатель Госдумы Вячеслав Володин поручил разобраться в превышении пределов роста платы за ЖКХ в регионах. На заседании 14 октября он заявил, что при установленном правительством пределе в 11,8% рост в ряде регионов достиг 22%.

О этот дивный новый мир

МОСКВА, 28 октября — «Коммерсант»

Российские работники начали использовать эзотерические методы для борьбы с неугодными руководителями и сослуживцами. На маркетплейсе Ozon растет спрос на магические свечи, предназначенные для увольнения людей с работы. Восковое изделие с добавлением трав призвано помочь избавиться от начальников и коллег, которые создают проблемы и плетут интриги.

Статистика площадки свидетельствует о нешуточном интересе к корпоративной эзотерике. В комментариях покупатели всерьез делятся опытом применения ритуального инструмента против своих коллег.

МОСКВА, 1 ноября — «Ведомости»

Мировые компании начали возвращать работников, уволенных из-за замены их функций искусственным интеллектом, сообщает Associated Press.

Опрошенные работодатели подчеркивают, что человек выполняет много работы, выходящей за рамки его формальных обязанностей. Это может включать в себя распознание эмоций и настроений, проведение спонтанных встреч, а также приложение дополнительных усилий в моменты, когда человек чувствует вдохновение или иную мотивацию.

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Разгром республиканцев может превратить выборы 2028 года в последние: победитель получит возможность переписать саму политическую систему США

Трампатология

Обзор ключевых событий прошедшей недели

3 ноября в США прошли промежуточные выборы в конгресс, которые республиканцы, руководимые президентом Дональдом Трампом, предсказуемо проиграли. Причем, как пишут политологи, проиграли разгромно — утратив большинство сразу и в нижней, и в верхней палате. И это несмотря на огромные финансовые вливания спонсоров Республиканской партии, чьи пожертвования в разы превосходили пожертвования в пользу Демпартии. А также щедрые обещания самого Трампа выплатить всем американцам по 5 тыс. долларов в случае победы его однопартийцев.

Президент США Дональд Трамп готовится выступить с речью за день до промежуточных выборов у зеркального бассейна Мемориала Линкольна на Национальной аллее в Вашингтоне, округ Колумбия. 2 ноября 2026 года

Традиционно промежуточные выборы в конгресс служат референдумом по оценке работы президента. Но Трамп, будучи по натуре шоуменом с явно выраженным нарциссическим уклоном, превратил выборы в референдум доверия к своей собственной персоне. И этот референдум разгромно проиграл, после чего в среде республиканцев начался робкий процесс дистанцирования от Трампа. За последние 100 лет только трем президентам — Франклину Д. Рузвельту, Биллу Клинтону и Джорджу Бушу — младшему — удалось добиться увеличения числа мест в палате представителей в ходе промежуточных выборов. Остальные это преимущество теряли.

Итак, по итогам выборов демократы сумели заполучить в палате представителей 254 места из 435 (до этого было 215), и 55 мест из 100 в сенате. Новый состав конгресса начнет работу с 5 января, так что у Трампа остается еще 2 месяца (на самом деле меньше, с учетом рождественских каникул) на то, чтобы протащить через конгресс нужные ему законы. А затем он столкнется с активным сопротивлением демократов. Другое дело, что имеющихся в его распоряжении полномочий президента вполне достаточно для проведения прежней политики как минимум во внешней политике страны. Вдобавок американское законодательство содержит массу разного рода лазеек и брешей, используя которые Трамп может превратить жизнь демократов в следующие два года в сущий ад. И если раньше отказ от применения подобного трюков был обусловлен остатками приличий, то в случае с Трампом этот фактор его сдерживать совершенно не будет. В конце концов, Трамп и есть то существо, что разрушает все нормы и устои, а также хоть и дышащий на ладан, но все же порядок, основанный на дипломатии. Со всеми оговорками. Для Трампа же с его культом торга и сделок главным аргументом является сила. И это очень видно по его политическим телодвижениям.

Правда, сила не на его стороне, поскольку Трамп, вопреки некоторым прогнозам, не стал оспаривать результаты выборов, практически сразу согласившись на работу с «демократическим» конгрессом. Хотя еще накануне он толсто намекал, что будет налагать вето на законодательные инициативы демократов.

А эти инициативы делятся на две категории — для внутреннего пользования и для внешней политики, куда в первую очередь относятся Украина и Иран — то, что непосредственно задевает интересы России.

Кстати, Трамп нехотя признал, что провал республиканцев на выборах обусловлен неудачей в Иране и вызванным ею ростом цен на топливо внутри США. То же самое подтвердил и вице-президент Вэнс, призвав завершить войну с Ираном, явно с прицелом на свою будущую президентскую кампанию 2028 года.

К слову сказать, пресловутая «дизельная сделка», распиаренная Белым домом, судя по всему, никакого влияния на результаты выборов не оказала. Да и не могла оказать, о чем мы подробно писали в одном из прошлых номеров газеты. На текущий момент танкеры с дизтопливом из России, отправленные в США, до американских портов так и не доехали, а их владельцы судорожно ищут, кому бы продать предназначавшийся американцам дизель, поскольку в США его принимать не очень-то и хотят. А вот лицензия на продажу российского дизтоплива продолжает действовать. И на том спасибо.

Можно ли считать прошедшие в США выборы разгромом, провалом, «синим цунами» и так далее, каковым его именуют политологи и каким оно может показаться неискушенному наблюдателю с противоположного берега Атлантического океана?

И да, и нет. С одной стороны, Трамп начал свой второй президентский срок в условиях так называемой «правительственной трифекты», то есть совпадения трех позитивных факторов — большинство сразу в обеих палатах конгресса плюс Трамп сам президент. По замыслу отцов-основателей США нормой является (достаточно условный) баланс: если исполнительную власть представляет одна партия, то большинство в законодательной ветви — другая.

Трифекта — явление не исключительное, за всю историю США демократы удерживали трифекту 30 раз, а республиканцы — 22 раза. И практически всегда на промежуточных выборах в условиях трифекты восстанавливается баланс, когда избиратели, устав от выходок действующего президента, на выборах в конгресс голосуют за противоположную партию. Именно это и произошло 3 ноября, когда американцы голосовали не столько за демократов, сколько против Трампа. Но это уже издержки американской двухпартийной системы, где практически невозможно избраться, не будучи представителем одной из двух старых партий.

По текущим данным, демократы получили 42 дополнительных места в палате представителей, резко улучшив свои позиции. А республиканцы, соответственно, эти 42 места потеряли. Для сравнения: на выборах 1894 года, во время второго срока президента от Демпартии Гровера Кливленда, демократы потеряли 125 мест в палате представителей и пять в сенате. Масштабы поражения тем более поразительны, что тогда в палате представителей было всего 356 мест (сегодня — 435). На второй срок Кливленд, как и Трамп, тоже пришел не сразу, а после того как выиграл выборы у своего предшественника Бенджамина Харрисона.

На выборах в конгресс 1994 года (при демократе Билле Клинтоне) республиканцы под руководством лидера меньшинства в палате представителей Ньюта Гингрича совершили исторический рывок, забрав у демократов 54 места в палате представителей и 8 мест в сенате. До этих выборов Демпартия непрерывно удерживала контроль над палатой представителей в течение 40 лет. Так что провал республиканцев на прошедших выборах не является чем-то совсем из ряда вон выходящим в политической истории США. Как говорится, «ужас», но все же не «ужас-ужас-ужас».

Но помимо мест в конгрессе республиканцы умудрились проиграть еще огромное количество выборов губернаторов, включая такие опорные для Республиканской партии штаты, как Техас, Айова и Аляска. Как посетовал губернатор Флориды Рон Десантис, Флорида осталась последним крупным штатом, где губернатором является представитель республиканцев. Сам Десантис достаточно четко обрисовал причины поражения и мягко дистанцировался от Трампа, поскольку тоже рассматривается как один из главных кандидатов в президенты от республиканцев на следующих выборах. И на нем, в отличие от Вэнса и госсекретаря Рубио, нет шлейфа провальной иранской кампании.

Более чем убедительная победа демократов на выборах в конгресс открывает демократам дорогу к победе на президентских выборах 2028 года. За оставшиеся два года администрация Трампа вряд ли сможет решить хоть одну экономическую проблему, которую усугубили Трамп сотоварищи. А демократы очень грамотно перехватили экономическую повестку и обещают американцам обуздать инфляцию, снизить цену на топливо, создать новые рабочие места и т. д. Ровно то, на чем в 2024 году смогли выехать республиканцы. Может сложиться впечатление, что демократы намеренно уступили место Трампу, чтобы тот, собрав весь протестный потенциал, наломал дров и окончательно дискредитировал республиканцев. Обеспечив тем самым их триумфальное возвращение в 2028 году.

Страшный сон для любого белого американца, свято чтущего частную собственность, закон и порядок, и верящего в Христа, — а это и есть ядерный электорат Трампа — не просто победа демократов, а установление вечного правления Демпартии со всеми его леваческими, мигрантскими и гендерными извращениями. А юридические и политические возможности организовать в США диктатуру демократов, оставаясь формально в рамках электорального процесса, в принципе есть. В одном из своих постов в соцсети X Илон Маск, потративший на предвыборную кампанию республиканцев почти полмиллиарда долларов, емко описал основные пункты этого процесса:

«Больше всего меня беспокоит то, что если демократы одержат полную победу на выборах в палату представителей, сенат и на президентских выборах 2028 года, они:

1. Обеспечат подавляющее большинство в сенате [через превращение] *Вашингтона и Пуэрто-Рико в штаты* [сенаторы от этих штатов всегда будут демократами из-за местных демографических особенностей, а республиканцы никогда не смогут получить даже 51 место в сенате].

2. Откроют границы и легализуют всех, кто проживает в Америке нелегально, чтобы закрепить постоянное большинство [которое в благодарность будет голосовать за Демпартию].

3. Увеличат состав Верховного суда, чтобы немедленно получить большинство [если демократы расширят количество судей, они могут навечно сделать судебную власть органом Демократической партии США].

Это приведет к тому, что Америка станет постоянным однопартийным государством, и демократия в каком-либо значимом смысле этого слова прекратит свое существование.

Для того чтобы этого не произошло, достаточно иметь 51 сенатора-республиканца в 2029 году. Вот почему вам следует голосовать за сенаторов-республиканцев на этих выборах. Другие причины не имеют значения по сравнению с этой».

А значит, выборы 2028 года могут стать де-факто последними выборами в США, превратив Штаты в банановую республику, управляемую бандерофилами из Демпартии.

Соответственно, это меняет всю конфигурацию в Европе, включая Украину. А также на Ближнем Востоке — замирение с Ираном, возврат саудовской нефти на рынок и снижение нефтяных цен. Сокращение российских экспортных доходов и возврат американских санкций. И в качестве вишенки на торте — заразительный смех Камалы Харрис.

Максим Карев

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

«Переворот» по-варшавски: как спор о судах расколол Польшу на два лагеря

Анна Корвин-Пиотровская

В ночь с 30 на 31 октября здание конституционного трибунала Польши стало ареной силовой фазы острого внутриполитического конфликта, который многие даже окрестили «переворотом». Одна из сторон конфликта — премьер-министр Польши Дональд Туск — назвал это «восстановлением верховенства права». Его оппонент президент Кароль Навроцкий — «незаконным захватом конституционного органа».

По разные стороны баррикад оказались возглавляемая Туском партия «Гражданская платформа», которая пришла к власти в декабре 2023 года, и крупнейшая партия «Право и справедливость» (PiS), перешедшая в оппозицию и поддержавшая на президентских выборах беспартийного Навроцкого, что и помогло ему занять должность в августе 2025 года. То есть означенные события — это продолжение давнего конфликта между пробрюссельским Туском и националистической PiS Ярослава Качиньского.

Главный спор между сторонами идет формально о легитимности состава трибунала, а по сути — о контроле за высшим судебным органом страны. Отправной точкой кризиса стало решение судьи Анны Корвин-Пиотровской на месяц отстранить от выполнения обязанностей председателя трибунала Богдана Свенчковского и его заместителя Бартломея Соханьского. Себя же она назначила врио главы этого органа власти.

Корвин-Пиотровская сослалась на положение, предписывающее председателю трибунала или его заместителю отстранять судей от исполнения обязанностей, если этого требуют достоинство суда или существенные интересы органа. Также в законодательстве есть положение, позволяющее судье с наибольшим судейским стажем брать на себя функции заместителя руководителя трибунала, если невозможно уполномочить заместителя председателя или другого судью выполнять их функции. И это острое проявление конфликта, тлеющего более 10 лет. А начало кризиса совсем в другом.

В 2015 году, незадолго до выборов, уходящий парламент от «Гражданской платформы» Туска поспешно избрал пять судей конституционного трибунала. Тогдашний президент Анджей Дуда, который на тот момент состоял в «Праве и справедливости», отказался принять у них присягу. Новый сейм (парламент), в котором «Право и справедливость» получила большинство, объявил те назначения судей недействительными и избрал вместо них своих кандидатов. Однако сам трибунал постановил, что три из пяти «старых» назначений были законными. В итоге часть новых судей были назначены на места, которые уже были заняты, создав прецедент «дублирующих» судей, чья легитимность ставится под сомнение до сих пор.

В последующие годы шла борьба за контроль над судебной властью. Сейм пытался менять правила работы трибунала в свою пользу, а судьи из разных лагерей блокировали решения. Трибунал также признавал парламентские поправки неконституционными, но правительство отказывалось их официально публиковать, что является обязательным для вступления решения в силу.

Ситуация с непубликацией решений трибунала сохранилась и при нынешнем правительстве Туска, но уже по другой причине. С 2024 года правительство Туска не публикует вообще ни одного решения судебного органа, ссылаясь на то, что в его составе заседают «дублеры», а значит, решения принимаются в ненадлежащем составе. По данным на конец октября 2026 года, речь идет о 85 неопубликованных (и не вступивших в силу) решениях. Среди них в том числе есть решения, затрагивающие интересы граждан, например, о компенсациях более чем 200 тыс. пенсионеров за заниженные выплаты.

Непосредственное начало кризиса

13 марта 2026 года сейм избрал шестерых новых судей Конституционного трибунала.

1 апреля президент Навроцкий принял присягу только у двоих из них, остальные приглашения в президентский дворец не получили, так как правильность их избрания была сочтена сомнительной.

9 апреля в сейме прошла альтернативная церемония: все шестеро избранных судей, в том числе Корвин-Пиотровская, принесли присягу в присутствии главы парламента.

Навроцкий и лояльное ему руководство трибунала эту процедуру легитимной не признали.

28 августа правительство Туска представило в сейм проект бюджета, согласно которому на работу Конституционного трибунала не было выделено ни копейки. Вскоре стало ясно, что Навроцкий такой бюджет не утвердит, а отправит на рассмотрение в де-факто парализованный Конституционный трибунал, где он и зависнет на неопределенное время. А непринятие госбюджета в оговоренные законом сроки позволит Навроцкому распустить сейм и назначить досрочные выборы и, возможно, лишить Туска кресла премьер-министра.

Вечером 30 октября Корвин-Пиотровская подписала распоряжение об отстранении Свенчковского и его зама Соханьского — что ознаменовало новый этап конфликта. После этого в здание трибунала по ее запросу вошла полиция. На сайте трибунала сначала исчезли профили Свенчковского и Соханьского, а затем там появилось сообщение о незаконном захвате органа и обвинение всех причастных в государственном перевороте.

Возле здания трибунала собрались сторонники оппозиции. В ночь на 31 октября Навроцкий прервал официальный визит в Сенегал и вернулся в Варшаву. Вместе с первым председателем Верховного суда Збигневом Капиньским он вошел в здание трибунала, где заявил о *«нарушении конституционного порядка»* и *«насильственном захвате конституционного органа государства»*. На видеороликах, разошедшихся по польским соцсетям, видно, как Корвин-Пиотровская стоит на входе и пытается помешать президенту пройти внутрь. Интересно, что служба государственной охраны в тот момент бездействовала и стояла за спиной главы республики.

Туск в соцсети X заявил, что обязан восстановить верховенство права, отметив, что процесс будет трудным и болезненным, но других способов нет. Немного позже он в видеообращении сравнил ситуацию с тем, когда вор после задержания кричит о применении силы, а прохожие предлагают ему поделиться добычей с жертвой.

1 ноября пресс-секретарь президента Рафал Лешкевич обвинил Туска в государственном перевороте, заявив, что полиция вошла в здание суда через заднюю дверь канцелярии премьер-министра, получив разрешение, а Туск несомненно знал об этом. Он также напомнил, что Корвин-Пиотровская не принесла присягу перед президентом и не имеет права называть себя исполняющей обязанности председателя суда.

В ответ Туск созвал заседание совета национальной безопасности, после чего предложил Навроцкому провести личную встречу для обсуждения путей смягчения конфликта, но представители правительственной коалиции «Гражданская платформа» не явились на консультации, инициированные президентом неделей ранее.

На 3 ноября Корвин-Пиотровская назначила «общее собрание судей» для закрепления нового руководства. Однако на собрании присутствовало только восемь судей, все — избранные действующим сеймом, тогда как для кворума нужно не менее 2/3 — 10 из 15 мест списочного состава трибунала. Но сами участники «общего собрания», не признавая полномочия трех их судей (двое отстраненных — Свенчковский и Соханьский — плюс один «дублер»), считали, что 2/3 надо считать от 12 мест, а не от 15. Поэтому собравшиеся постановили, что кворум (2/3 от 12, то есть 8) — есть. Притом что среди этих восьми пятеро судей не приносили присягу перед президентом.

В тот же день первый председатель Верховного суда Збигнев Капиньский также созвал общее собрание судей Верховного суда для обсуждения кризиса вокруг трибунала. 28 судей бойкотировали собрание, в результате чего кворум собрать не удалось, и собрание не смогло принять никаких решений.

Как этот спор в стиле «закон что дышло» восприняли рядовые поляки

Согласно соцопросу, 30 % респондентов поддержали судей, отстранивших председателя суда, 21 % поддержали председателя суда, сочтя его отстранение незаконным, 25 % не приняли ничью сторону, 24 % затруднились с ответом.

В ночь на 4 ноября в Варшаве и ряде других городов прошли протесты, организованные «Комитетом защиты демократии», под лозунгом «Свет конституционному трибуналу». Участники несли плакаты «Навроцкий, собирай чемоданы» и «Убери руки от конституционного трибунала».

Днем 4 ноября глава канцелярии президента Збигнев Богуцкий объявил о подаче в прокуратуру жалобы о государственном перевороте, назвав это первым случаем в новейшей истории Польши и обвинив службы, подчиненные правительству, в совершении преступных действий. Отдельно была подана жалоба по статье о нападении на президента, в связи с потасовкой у входа в трибунал. При этом к тому времени генеральный прокурор Польши Вальдемар Журек направил в трибунал ходатайства о лишении судейской неприкосновенности Свенчковского и Соханьского, «отстраненных» Корвин-Пиотровской.

Польские эксперты указывают на фундаментальную «дыру» в законодательстве: Конституция Польши обязывает судью принести присягу перед президентом, но не предусматривает никаких последствий отказа президента ее принять. Этот правовой «люфт» и используют сейчас для перекройки судебной власти. Судья трибунала Войцех Сых в интервью EFE поставил под сомнение легитимность отстранения Свенчковского и Соханьского. По его мнению, ни один судья в одиночку не может приостанавливать полномочия председателя собственного суда, кроме того, он заявил, что Свенчковский имеет больший стаж работы именно в составе трибунала, чем Корвин-Пиотровская, которая считает годы работы в общих судах.

При этом многие сходятся в том, что термин «госпереворот» — преувеличение. Никто не пытался свергнуть правительство, хотя его работа оказалась затруднена практикой непубликации решений. На текущий момент институциональный паралич трибунала, начавшийся в 2015 году, достиг точки, в которой каждая сторона считает себя единственным законным хозяином органа.

Чего ожидать от кризиса

Конфликт пока далек от завершения, и каждая сторона ищет способы подчинить трибунал себе. При этом у правительства больше ресурсов, в частности, ему подчиняется полиция. Кроме того, руководство Евросоюза поддерживает Туска, так как он проводит либеральную повестку в отличие от правых консерваторов из «Права и справедливости». Казалось бы, шансов на победу в этом противостоянии у «Гражданской платформы» больше. Но возможен вариант, что «двоевластие» в главном судебном органе страны продлится и дальше.

Для России польский кризис — зрелище, которое можно смотреть с интересом, но без иллюзий относительно дивидендов. Обе стороны крайне негативно относятся к России, хотя Туск и его партия занимают в этом вопросе более оголтелую позицию, так как постоянно обсуждают «русскую угрозу» и т. п. Если же говорить о наиболее выгодном сценарии для нас, то раскол политического сектора Польши на два непримиримых лагеря наиболее предпочтителен, так как внутренняя борьба будет мешать антироссийской повестке. Но в практической политике это не будет конвертировано ни в снятие санкций, ни в улучшение двусторонних отношений.

Владимир Колдин

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Империя Габсбургов пыталась заменить революцию культурой, но лицемерие превратило язык гуманизма в инструмент управления — и эту модель унаследовал Евросоюз

Язык, ложь и истина в падшей империи Габсбургов. Часть 2

Продолжение. Начало в №686

Почему кризис языка в виде предельного и всеобъемлющего вопрошания развился именно в Австрии и именно к началу XX века? Ведь ложь и языковая манипуляция, как и двуличие элит, намного более древние и отнюдь не специфически австрийские явления.

Ответ состоит в том, что в Австрии к концу XIX произошло пересечение двух факторов: с одной стороны, как будет показано ниже, в империи накопился огромный заряд системного лицемерия (с этим согласны практически все серьезные специалисты); а с другой стороны, в ней существовала мощная культурная и интеллектуальная традиция, для которой подобное положение было нестерпимым. «Кризис языка» возник как результат этого разрыва — напряжения между накопившейся фальшью и поиском подлинности носителями большой культуры. В целом — это ответ интеллектуальной порядочности на переизбыток непорядочности. Характерно, что ответ этот был по общему настрою глубоко пессимистическим, несмотря на проекты оздоровления языка и мышления, в частности, у Крауса и Витгенштейна.

Философская и культурная проработка последствий засилья языкового лукавства в институциях и СМИ оказалась наиболее глубокой именно в Австрии. Для сравнения, аналогичный кризис проявился и во франкоязычных странах (Франции и Бельгии) в творчестве таких авторов, как Стефан Малларме, Морис Метерлинк, Альфред Жарри, Гийом Аполлинер, а также в дадаизме и сюрреализме; в музыке к нему был близок Дебюсси. Однако критика языка тут была оформлена намного менее четко. Кроме того, общий настрой французской культуры был более гедонистическим.

В англоязычной культуре первой половины XX века ближе всего к кризису языка были Джойс и Беккет, во второй же половине случился настоящий бум в виде аналитической философии и лингвистического поворота. Но определяющим во всем этом было влияние австрийцев. Это не значит, что в Британии и США было меньше лицемерия и мошенничества. Объяснение, скорее, в специфике и структуре интеллектуальной традиции, а также в ориентации английского языка, а также британского и американского общества в целом в большей степени на действие, чем на рефлексию.

Роберт Музиль

Интересно, что в России сложилась совсем иная ситуация. Лицемерие и ложь в ней, конечно, всегда присутствовали, как, собственно, и везде. Может быть, они в целом были менее системными по сравнению, скажем, с Австро-Венгрией. Количественно это невозможно измерить. Однако есть один критерий, который о чем-то свидетельствует: в России никогда не было кризиса языка. Потому что при всей критике общества в России никто не сомневался в принципиальной способности языка (*«великого и могучего»*) выражать правду о мире и о человеке. Модернистские поэтические эксперименты обновляли и обогащали язык, но ничего подобного гофмансталевской горечи и скепсису не высказывали. А когда русские философы — Соловьёв, Шестов, Трубецкой, Бердяев — критиковали рационализм и логоцентризм, то всегда имели в виду сугубо западные явления.

Кризис языка в Австрии дополнительно подкреплялся самим устройством империи. Крупнейший австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) в своем центральном произведении, романе «Человек без свойств» (1921–1942), иронично называет исчезнувшую Австро-Венгрию Каканией — от ее сокращенного административного обозначения «k. und k.» (k. u. k.) или «k. k.». Слово «Какания» легко ассоциируется с испражнениями, хотя просвещенная публика могла также слышать в нем связь с греческим κακός (скверный). Сокращение «k. u. k.» (нем. kaiserlich und königlich — «императорский и королевский» или kaiserlich-königlich — «императорско-королевский») было введено в оборот после заключения австро-венгерского соглашения 1867 года между императором Францем Иосифом и венгерским национальным движением, по которому Австрийская империя становилась двуединой монархией, в рамках которой Венгрии предоставлялась самостоятельность во внутренних делах. Однако ее королем (König) становился все тот же австрийский император Франц-Иосиф (Kaiser). Таким образом, словесная глазурь придавала пущую помпезность государству и прикрывала противоречия. При этом «k. u. k.» и «k. k.» имели разные смысловые нюансы, и их ни в коем случае нельзя было путать (в основном потому, что венгры считали «k. k.» недостаточно подчеркивающим их самостоятельность).

Эгон Шиле. Портрет доктора Хуго Коллера. 1918

Описывая Каканию с горечью и легкой ностальгией, Музиль в своем романе пишет: *«Она была по своей конституции либеральна, но управлялась клерикально. Она управлялась клерикально, но жила в свободомыслии. Перед законом все граждане были равны, но гражданами-то были не все.* <...> [Национальные распри] *были настолько ожесточенны, что из-за них по многу раз в году стопорилась и останавливалась государственная машина, но в промежутках и паузах государственности царило полное взаимопонимание и делался вид, будто ничего не произошло.* <...> *В этой стране поступали — доходя порой до высших степеней страсти и ее последствий — всегда иначе, чем думали, или думали иначе, чем поступали»*.

Какания была лоскутным государством. В нем говорили на десятках языков, причем этнические группы находились в постоянных распрях друг с другом, а подавляющая часть немецкоязычного населения (немцев и ассимилированных евреев) была настроена крайне высокомерно ко всем остальным «низшим» народам. При этом Габсбурги были заинтересованы в поддержании межнациональной розни, поскольку император правил как высший арбитр, регулирующий отношения между народами. В этом ключе особое значение имел венский космополитический дух. Как отмечают Алан Яник и Стивен Тулмин, *«во всех землях Габсбургов Вена была уникальна в одном важном отношении. Здесь, по крайней мере частично, было достигнуто то наднациональное, космополитическое сознание, которое было единственной надеждой династии на выживание»*.

Но, кроме этого, само немецкоязычное население было разрываемо невыносимыми внутренними противоречиями — между желаемым и дозволенным, между идеалами и реальностью, между строгим порядком и столь же желанной свободой, между презрением к «ордам» (т. е. к подчиненным народам) и требуемым культурой гуманизмом. Вдобавок по мере все большей интеграции евреев антисемитизм в стране только нарастал. Эти противоречия порождали постоянное состояние иррациональной тревоги, бессознательного страха перед хаосом, предчувствия неладного. Не случайно в последние десятилетия до Первой мировой войны Австрию охватила настоящая эпидемия самоубийств, особенно в среде творческой интеллигенции. Причем по всем внешним признакам это был период блеска и расцвета империи. В статье, вышедшей в «Факеле» в июле 1914 года за пару недель до начала войны, Краус назвал Австрию ***«опытной станцией конца света**, приобретающей гримасу уютного гниения»* (выделено мной — С. К.).

Внешне благополучная, космополитичная и высококультурная Вена сходила с ума от духовно-нравственной фальши и какофонии. Мир поздних Габсбургов — это мир Кафки, мир абсурда и безысходного пессимизма, скрытых под оболочкой добропорядочности.

Австрийский историк Джеральд Стурж (р. 1929), говоря о причинах необыкно-

Продолжение на стр. 10

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 9

венного творческого бурления в Вене последней трети XIX — начала XX веков, обращает внимание на следующие предпосылки: в Австрии хорошо сохранились *«поведенческие модели, частично до-модернового происхождения, которые лучше всего можно описать императивом: стремись к чему-то высшему, ориентируйся на то, что над тобой; стремись к высшим достижениям в моральном, социальном и интеллектуальном плане. Множество, казалось бы, разных норм поведения — христианских (как католических, так и протестантских), буржуазных, и, конечно, еврейских <...> имели одно общее требование: применение дисциплины, которая включала отказ от немедленных выгод ради более отдаленных вознаграждений»*. То есть изначально это **антилиберальная** позиция. Однако, эти *«стандарты и модели отказа от вседозволенности и потворства своим желаниям... в конце XIX — начале XX века прошли процесс индивидуализации: стремление к совершенству стало индивидуальным и открыло путь для расцвета оригинальности»*.

Второй предпосылкой, согласно Стружу, а также многим его коллегам, была эмансипация и ассимиляция евреев. Стоит отметить, что Гофмансталь, Краус, Маутнер, Витгенштейн, Фрейд, Малер, Шёнберг, Кафка, Шницлер, Цвейг и многие другие были ассимилированными евреями.

Таков генезис австрийского либерализма: его первичной опорой были образованные, затянутые в корсеты строгого воспитания люди, которые затем эти корсеты расслабили. Они были космополитами, материально благополучными, выступали за прогресс, за гражданские свободы, за личностный рост и за все хорошее, чувствовали себя пупом земли. Именно они были костяком класса, который позже был назван Bildungsbürgertum («образованный средний класс») — городской интеллигенцией, превыше всего ставившей **самосовершенствование через культуру**. Но как эта замечательная сама по себе ценность связана с «кризисом языка», декадансом и патологическим состоянием общества в начале XX века?

Постараемся объяснить эту связь при помощи ряда исторических выкладок и историософских соображений.

После Великой французской революции практически вся феодальная Европа объединилась против Франции вместе с французскими эмигрантами-роялистами с целью восстановления монархии. Антифранцузскую контрреволюционную коалицию возглавила Священная Римская империя под началом Леопольда II Габсбурга-Лотарингского.

Образование коалиции началось с союза Леопольда II с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II. Но несмотря на то, что в военном отношении Пруссия выдвинула бóльшие силы, именно Вена концентрировала в себе максимальные сакральные основания для борьбы с Французской республикой. Во-первых, революция имела откровенно антиклерикальную направленность, а Вена позиционировала

Карл Краус

Гуго фон Гофмансталь. 1910

Людвиг Витгенштейн. 1929

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

себя как столица католического и даже в целом христианского мира, борющегося с «варварами» — как внешними (турки), так и западноевропейскими (революционеры). Во-вторых, Вена имела притязания быть духовным центром всего германского мира, а также главной хранительницей старого феодального порядка, в то время как Пруссия, начиная с Фридриха II Великого (1712–1786), была государством с сильной масонской составляющей, созвучной идеям Просвещения (см. об этом, например, в статье Дидье Ле Массона в журнале Великого востока Франции La chaîne d'union, 2010/3 № 53 с. 54–64). В-третьих, французской королевой была сестра Леопольда II Мария-Антуанетта, казненная в 1793 году. Тут же стоит вспомнить старый девиз Габсбургов, закреплявший их универсалистские претензии: **Austriae est imperare orbi universo (A.E.I.O.U.)** — «Австрии принадлежит право управлять всем миром».

Франция в этой борьбе победила и утвердила за собой роль главного двигателя исторического процесса. Ради чего совершалась революция, порожденная Просвещением? Ради **прогресса** во всех смыслах этого слова. Все революционное ассоциировалось именно с прогрессом. Но ведь и для германского мира было немыслимо отвернуться от Просвещения, которое было его органичной, неотменяемой частью.

Что же мог старый феодальный мир эффективнее всего противопоставить французскому бурлению? С одной стороны — реакцию, которая время от времени становилась свирепой (вспомним преследования вольнодумства при канцлере Меттернихе или подавление революции 1848 года). Хотя долго держать натянутой узду было все равно невозможно. А с другой стороны — **культуру**, т. е. улучшение общества и человека **без революции**, через интеллектуальное и эстетическое развитие. Опору этому можно было найти опять-таки в Просвещении, например, в идеях Шиллера об эстетическом воспитании.

Эмблематично, например, что эрцгерцог Рудольф (1788–1831) — композитор и один из любимых учеников Бетховена — вместе с двумя другими аристократами — князем Лобковицем и князем Кински — назначил Бетховену крупную пожизненную ренту в 4000 флоринов годовых с предоставлением полной творческой свободы с условием, чтобы тот не покидал Вену (правда, выплаты пришлось прекратить из-за кризиса, наступившего после победы Наполеона над Австрией).

Однако главное — не поддержка отдельных личностей, а общая логика, в которой выстраивалось отношение к культуре в габсбургской столице в течение XIX века. Импульс, исходивший от аристократии, подхватили средние слои общества. Причастность к культуре стала для них предметом особого уважения и признаком высокого социального статуса. Казалось бы, можно ли желать лучшего? Но вместо сулимого культурой улучшения общества и человека все почему-то потонуло в лицемерии и закончилось Первой мировой войной.

Разумеется, можно сказать, что это произошло не только в Австрии, но и во всех развитых странах. Можно сослаться на капитализм и его переход в империализм, что и вызвало столкновение империй в борьбе за ресурсы, рынки и влияние. Но нас здесь интересуют особенности австрийского казуса.

Дело в том, что империя Габсбургов являла собой ядро европейского консерватизма. Она была по факту и по призванию самой консервативной западной монархией. Но в то же время она даже более всех других была привержена идеалам гуманистической культуры, что следует из отмечаемой историками многочисленности и особой престижности в Австрии прослойки образованных горожан (Bildungsbürgertum). При этом, как мы увидели, империя по умолчанию противопоставляла эту гуманистическую культуру социальной революции. То есть она хотела быть **одновременно и консервативной, и прогрессивной**, не будучи способной преодолеть эту двойственность.

Эрцгерцог Рудольф фон Габсбург Лотарингский, ученик и покровитель Бетховена

На это накладывались все другие факторы: резкий рывок в развитии капитализма, погоня за выгодой, несовместимая со старыми ценностями, засилие индустриальных интересов, на которые стала работать пресса, агрессивная политика Габсбургов на восточных направлениях, которая была чем угодно, только не примером гуманизма.

Естественно, что в этих условиях культура не могла совершать работу, соответствующую надеждам, которые на нее возлагались. Она неуклонно превращалась в культуру ради культуры и далее в культуру лицемерия. Никакого улучшения не происходило, предметом почитания становились внешние формы, фальшь накапливалась и подрывала веру в сам язык.

Еще раз подчеркнем: в том, что империи запутываются во лжи и манипуляции, особенно в период своего упадка, нет ничего нового и особенного. Империю Габсбургов мы рассматриваем в отдельности потому, что, во-первых, комплекс культурных явлений, связанных с «кризисом языка», актуален по сей день; а во-вторых, потому что этот комплекс возник в ситуации, которая явилась одним из истоков современных форм эскрократии. Наследие габсбургской империи продолжает влиять на мир, влившись в глобалистические проекты и структуры. С одной стороны, это британо-американская ось (неолиберализм, «открытое общество» Поппера и Сороса), а с другой — ЕС и панъевропеизм (см. статью Оливье Рокпло «Является ли воинственный панъевропеизм габсбургским реваншизмом?» в газете «Суть времени» № 592).

Факторы совместимости англосаксонской и австрийской культурных матриц — отдельная тема, которую мы здесь не будем рассматривать. Отметим лишь одно: особую развитость в них обеих языковой манипуляции. В англосаксонской культуре, вероятно, даже в большей степени. Недаром две самые знаменитые британские антиутопии — «О дивный новый мир» Хаксли и «1984» Оруэлла — отводят языку первостепенную роль («гипнопедия», эвфемизмы и смысловые сдвиги в первом случае, «новояз» — во втором). Кроме того, английский язык стал языком глобализма, а значит, начал сам меняться в соответствии с этим процессом, нивелируясь и насыщаясь двусмысленными клише.

Неолиберализм, в возникновении которого австрийские члены — основатели общества «Мон-Пелерин» — Людвиг фон Мизес, Фридрих фон Хайек и Карл Поппер — сыграли ключевую роль, весь соткан из таких благостных понятий, как свобода, здоровая конкуренция, экономический рост, прогресс, справедливость. На деле же он работает как инструмент порабощения и ужесточения несправедливости. Классический пример — ультраправая диктатура Пиночета в Чили, которая стала полигоном для неолиберальных рецептов «чикагских мальчиков». При этом Отто фон Габсбург не только поддержал общество «Мон-Пелерин», но и сам вступил в него в декабре 1959 года.

Карл Поппер создал теорию «открытого общества». А Джордж Сорос основал фонд «Открытое общество»* который по всему миру финансировал и пилотировал цветные революции — эталон мошеннических технологий.

Стоит отметить также, что одним из практических воплощений идей австрийской экономической школы многие экономисты считают биткоин. Это подчеркивалось во многих публикациях с первых же лет распространения криптовалют. В частности, соответствующие идеи изложены в книге фон Хайека «Денационализация денег» (1976).

Наконец, химерическую реинкарнацию империи Габсбургов — Евросоюз со всеми его разветвленными институтами — можно рассматривать в качестве образца внутриимперской эскрократии, т. е. системы, которая в своем внутреннем пространстве действует в основном путем словесной и информационной манипуляции, подчиняя себе десятки разных народов. При этом через идеологическое, административное и финансовое подчинение Брюссель навязывает этим народам совершенно губительную экономическую, социальную, культурную, миграционную и внешнюю политику.

В завершение добавим, что проблема языка в наше время стоит еще более остро, чем это было в начале XX века. Ее усугубляет автоматическое генерирование текстов, которое бесконечно воспроизводит заведомо подмененные смыслы и словесные клише. Но живость языка — признак живости общества. Общества и отдельные группы людей, которые не смогут противостоять языковой манипуляции, будут обречены на роль пассивного объекта воздействия, на неадекватность понимания происходящего и на неуклонную дегуманизацию.

Селестен Комов

Отто фон Габсбург и Фридрих фон Хайек с женой. Оксфорд. 1959

* — организация, признанная нежелательной в РФ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Справедливые требования французов превращают в управляемый погром — чтобы сорвать выборы, вытеснить суверенистов и расчистить путь фашизации Европы

Кто заваривает французский бульон. О режиссерах европейских протестов

Во Франции с середины сентября идут протесты. Они начались как студенческие: ученики лицеев (т. е. старшеклассники) и студенты вузов выступили против нехватки учителей, переполненных классов и учебы в разрушающихся зданиях. Но вскоре мирные акции переросли в массовые беспорядки и погромы, в которых активно участвуют мигранты. Еженедельно на улицы выходят возмущенные толпы, на улицах беспорядки и мародерство, полиция задерживает нарушителей сотнями, а местами даже возникают огненные инферно.

Участники движения Black bloc

Поводом же послужило... А вот это и интересно — никакого яркого повода для протестов именно в области образования не было, хотя в целом проблем в социально-экономической сфере во Франции много, и они комплексные.

Однако в принципе ситуация с образованием ни в одной стране мира не идеальна, особенно после ковидных локдаунов. И если сравнивать с остальной Европой, то траты Франции на образование относительно ВВП пусть и не самые высокие в Евросоюзе, все же выше среднего и, что ожидаемо, бóльшие, чем в России.

Еще одним фактором общественного недовольства может быть то, что поддержка Европой Украины неизбежно привела к сокращению бюджетов на социальные нужды. В частности, представленный 2 октября Францией бюджет на 2027 год предполагает сильно их урезать — зато увеличивая военные расходы (и закладывая большие суммы на мебель для Макрона, что особо возмутило протестующих). Но бюджет представили уже после начала протестов, так что назвать это спусковым крючком нельзя.

Собственно, с протестами по этим вопросам можно было выступать и год назад, и два. Так почему — именно сейчас?

Если, например, сравнить французские демонстрации и погромы с испанскими, то там протесты были обусловлены массовой скупкой жилья инвестфондами — BlackRock, другими крупными игроками и их «прокладками». Жилье скупили у мелких собственников для сдачи в аренду с последующим резким повышением цен. Да и судьба бедной 87-летней бабушки Марикармен Абаскаль, потерявшей дом, где она прожила почти всю свою жизнь, и затем скончавшейся, вызвала немедленное сочувствие — она стала идеальным символом протеста. Во Франции такого катализатора нет.

Конечно, есть в целом большой опыт протестов и их организации — протесты разного масштаба происходят в стране чуть ли не ежегодно. Протестов не избежал ни один из президентов нынешней Пятой республики. Есть организации, которые занимаются этим, можно сказать, профессионально. Есть странное поведение силовых структур. Есть важный исламистский фактор. И есть другие поджигатели, в том числе зарубежные.

Кроме того, дело происходит на фоне предстоящих выборов, что дает возможность всем внутренним политическим силам попытаться использовать протесты и беспорядки в своих целях.

А еще французские и в целом европейские протесты идут параллельно с попытками переустройства глобального миропорядка, что наводит на подозрения об их возможной координации из общего внешнего источника — или как минимум желания использовать их в чьих-то глобальных интересах.

Рассмотрим все эти аспекты поподробнее.

Кто протестует

Можно сказать, что нынешние французские события идут по отлаженной схеме: подобные выступления с социальной повесткой начинаются со справедливых требований — повышения зарплат, пенсий, более всеобъемлющей медстраховки и социальных гарантий, — но затем в традиционный субботний массовый митинг встраивается «Черный блок» (Black Bloc): одетые в черное организованные погромщики в масках, часто под левацкими лозунгами, плюс гопники-мигранты из пригородов, которые громят и грабят (тут нынешние протесты выделяются разве что масштабом, в том числе масштабом мародерства). После погромов во всем обвиняют левых, что позволяет похоронить социальную повестку, запятнать образ протестов и профсоюзов и совершенно дискредитировать изначально разумные требования протестующих.

«Черный блок» возник на основе радикальных левых движений в Западной Германии в 1980-х годах и впоследствии распространился по Европе в результате антиглобалистских протестов. Во Франции они впервые активно были задействованы во время манифестаций против реформы трудового законодательства в 2016 году. Это большая европейская сеть, использующая единую методику организации провокаций и скрывающая лица под черными масками, шарфами, капюшонами и т. д. Есть свидетельства, что в более чем полумиллионных протестах 17 октября во Франции участвовали активисты «Черного блока» из Германии, Бельгии, Нидерландов и Англии.

Очевидцы протестов также сообщают о подозрительном поведении полиции — несмотря на регулярные обвинения французских правоохранителей в избыточном применении силы, заметно, что они предпочитают не связываться с погромщиками и мародерами и часто очень формально выполняют свои обязанности.

Кому выгодно?

Кому же выгодны протесты? Если не говорить о простых людях и бизнесе, то ответ будет достаточно парадоксален — всем. Ну или как минимум практически все крупные политические силы могут и явно стараются извлечь из них свою выгоду: каждая использует протесты для мобилизации электората и получения политических очков.

Левые сторонники Жан-Люка Меланшона изображают себя жертвами подлога и говорят, что их не услышали из-за начавшихся погромов. Кстати, среди них немало мигрантов, только не мигрантов-погромщиков с обочины жизни, а офранцузившихся арабов. Взгляды их близки к коммунистическим и у них вполне нормальные требования, но они не имеют другого лидера, поэтому поддерживают продажного троцкиста Меланшона.

Если перейти в правый спектр политикума, то Марин Ле Пен также в выигрыше: она может выйти первой в первом туре, если даже традиционно и не победит, а сценарий второго тура против выбранного Макроном кандидата консолидирует ее электорат.

Выигрывают и центристы, и правые вроде Эрика Земмура, объясняющие все проблемы мигрантами (мигранты объективно громят и наносят всем ущерб).

В целом нынешняя манифестация важна даже не масштабом, а тем, что вписывается в контекст президентских выборов весной и в подготовку к возможному введению чрезвычайного положения с отменой или переносом выборов.

Действующая же власть во главе с Эммануэлем Макроном уже не боится потерять рейтинг, потому что ниже падать некуда, и прорабатывает сценарий чрезвычайной ситуации.

По итогам массовых протестов 17 октября, которые принесли стране ущерб на миллионы евро, критикуемый министр внутренних дел Франции Лоран Нуньес подал в отставку, признав, что власти не смогли должным образом спрогнозировать размах насилия и потеряли контроль над ситуацией на улицах. Макрон отставку не принял. Получилась имитация бурной деятельности: министр якобы хотел уйти, но ему не дали. Затем премьер-министр Себастьен Лекорню объявил комендантский час в ряде мест и заодно заявил, что при подобной обстановке грядущие весной президентские выборы могут быть сорваны. Это может быть попыткой психологической подготовки общества к их отмене. Поскольку отмена выборов — тяжелейшее моральное испытание для французов, то подводить их к этой мысли надо постепенно.

Но основной, «гладкий» сценарий — протащить промакронистского кандидата. Поддержка Макрона оценивается в 10–17 % (причем скорее ближе к 10 %), поэтому нужен внешне не связанный с ним преемник.

Чтобы схема сработала, надо в первом туре потопить Меланшона и левых правыми, а во втором — столкнуть Ле Пен с промакронистским кандидатом, чтобы сработал так называемый «эффект бобра»: две трети французов просто не проголосуют за политика по фамилии Ле Пен, а механизм блокировки крайне правых отработан на выборах с девяностых годов уже пять-шесть раз. В итоге «системный» кандидат получит пост президента. Троцкист Меланшон, которого называют «своим человеком», сам готов подыгрывать и разогревать эту схему, работая в связке с префектурой и журналистами, которые помогут сделать его третьим в первом туре.

Вплоть до середины октября в качестве «системного кандидата» рассматривался в первую очередь Эдуар Филипп. Но постепенно стало ясно, что Филипп слишком слаб и уязвим, хотя бы из-за своего прошлого в качестве премьер-министра в период ковидных репрессий, но также и по иным причинам (слаб в дебатах, замешан в коррупционных скандалах и т. д.). Поэтому «система» выбрала себе новую

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Жан-Люк Меланшон

кандидатуру в лице Кристин Лагард — председателя Европейского центрального банка с 1 ноября 2019 года, а до того директора Международного валютного фонда (2011—2019). Более «системную» фигуру от евроглобалистских кругов трудно себе представить. Так что на данный момент она предстает наиболее вероятным кандидатом. Но ее, вероятнее всего, начнут раскручивать всерьез не сразу, а ближе к выборам, начиная примерно с февраля 2027 года.

Но даже если вдруг внезапно и произойдет победа Ле Пен или Меланшона, это ничего не изменит: у партий нет управленческих кадров, из Евросоюза выходить никто не собирается, а против неугодных снова включат хаос.

Главный выигрыш от такой кампании — окончательное выдавливание суверенистов и прочих альтернативных сил, у которых, правда, и без этого почти не было шансов.

Происходящие события выгодны тем, кто хочет сделать Европу снова правой, а приход Ле Пен рассматривается как удобный вариант. Также в выигрыше оказываются «агенты хаоса» — те же троцкисты, а также глобалистские круги, включая европейские структуры (в т. ч. Габсбургов), которым легче наращивать политику борьбы против России, вооружать Германию и развивать военно-промышленный комплекс, например, набирать операторов дронов.

Если говорить о выгоде внешних игроков и конкретно американцев, то текущая администрация США явно готова работать на развал Евросоюза, с которым не находит общего языка и который является ее конкурентом за глобальные сферы влияния. Судя по последним и ближайшим намеченным саммитам с участием Трампа, мир делить он хочет с Китаем и Россией, а Европа тут не к месту, тем более что она ведет свою игру и пытается, наоборот, вытеснить из нее Америку. И тут было бы вполне логично начать с Франции как одного из финансовых столпов Евросоюза, в первую очередь в банковской сфере.

Особенно это удобно в момент ее слабости. Как поясняет обозреватель WSJ Джеймс Макинтош, Франция сейчас столкнулась с тремя проблемами: возможности повышения налогов практически исчерпаны, население не поддерживает сокращение расходов, а долговая нагрузка продолжает расти. Ситуацию усугубляет необходимость рефинансировать старые долги, привлеченные в период низких ставок, по более высокой стоимости.

Европейская и мировая система в целом находятся в состоянии «агонии». Но после смерти Евросоюза неизбежно образуется нечто новое, и именно оформление этого «после» представляет интерес, в том числе в контексте погромов. Главный риск здесь — фашизация Европы, причем в любой идеологической упаковке.

Кто может за этим стоять

В российской медиасфере много говорится об организации протестов Меланшоном, который был одним из протестных лидеров еще в Парижскую весну 1968 года. Возможно, что так и есть, более того, его поведение вызывает подозрения, не агент ли он какой-то пока неясной силы.

В самой Франции ходят слухи об участии в организации беспорядков управления внутренней разведки Главного управления полиции Парижа, которое отвечает за борьбу с терроризмом и предотвращение нарушений общественного порядка в Париже и ближайших пригородах. Это могло бы объяснить странности в поведении полицейских. Но вряд ли это изначальный организатор протестов, скорее похоже на попытки манипуляции полицейскими со стороны властей, о чем мы уже писали выше.

Кроме того, помимо Франции, протесты затронули Италию, Албанию, Испанию, Португалию, Германию, Австрию, Бельгию, Грецию, Ирландию... А в Сербии в результате выборов был свергнут относительно дружественный нашей стране Александр Вучич, что стало чувствительным ударом для российской внешней политики.

Столь широкая география не может не вызывать сразу мысли о чьей-то внешней координации, хотя и не отменяет реального наличия широкого социального недовольства — перечисленные нами для Франции протестные факторы, конечно же, действуют и здесь. Кроме того, понятно участие в них именно молодежи, поскольку она легко зажигаема и наиболее страдает от ухудшения экономической ситуации — а тут вдобавок еще энергетический кризис, негативно влияющий на многие области жизни, и сокращение рынка труда из-за внедрения ИИ. Вкупе с удорожанием жилья это все вызывает у молодежи сильную фрустрацию и весьма пессимистичные ожидания от будущего. Но координации это не исключает — ведь для запуска любого политического процесса нужно общественное «топливо».

И тут, конечно, наиболее весомый мотив есть у американцев. И если сведений о том, что именно они спонсируют конкретно «Черный блок», в открытом доступе найти не удалось (впрочем, это настолько диффузная система, что входить в ее состав, равно как и просто пользоваться соответствующими тактиками может кто угодно), то о финансировании ЦРУ исламистских структур на протяжении десятилетий известно довольно много.

Конкретно о последовательном и систематичном формировании находящихся под внешним управлением исламистских структур в Германии, которое в середине XX века было перехвачено ЦРУ у нацистов и затем распространено и на другие страны Европы, включая Францию, писал журналист берлинского бюро Wall Street Journal Ян Денис Джонсон.

В своей книге «Мечеть в Мюнхене: нацисты, ЦРУ и подъем «Братьев-мусульман»* на Западе» он подробно разбирает историю «Братьев-мусульман»*: сначала их структуры в Европе выпестовывались нацистами, которые на первом этапе использовали для этого советских коллаборационистов. После ухода нацистов их «перехватило» ЦРУ. Важную роль в организации мусульман в Европе сыграл Саид Рамадан — зять основателя «Братьев-мусульман»* Хасана аль-Банны. В 1953 году Рамадан ездил в Принстонский университет и там общался с представителями американских спецслужб, — эта линия прослеживается вплоть до взрывов башен-близнецов (доказано, что исполнители теракта имели контакты с руководством Исламского центра в Мюнхене) и последующих событий.

Автор книги обращает внимание, что ЦРУ после всего этого не отреклось от «Братьев-мусульман»* хотя бы на публику, а наоборот, постаралось всячески повысить их популярность, принижая их роль в событиях и противопоставляя их совсем откровенно террористическим организациям.

Вот характерная цитата из доклада ЦРУ 2006 года: *«Европейские разведывательные службы считают «Братьев-мусульман»* угрозой безопасности, а критики, в том числе более плюралистично настроенные мусульмане, обвиняют их в препятствовании социальной интеграции мусульман»*. Несмотря на сказанное, в докладе делается вывод, что *«группы, связанные с «Братьями-мусульманами»*, выступают альтернативой более жестоким исламским движениям»*.

Джонсон в своей книге утверждает, что вся Германия фактически является территорией «Братьев-мусульман»*, которые ее планомерно религиозно-идеологически «обрабатывают». Но аналогичные процессы идут и во Франции с ее богатым колониальным прошлым. И Джонсон убежден, что взаимодействующие с «Братьями-мусульманами»* власти исходят из той же логики, что и ЦРУ — тоже невзирая на участие мусульман во французских погромах, резонансные убийства (вроде убийства чеченцем школьного учителя Самуэля Пати по ложному обвинению ученицы-мусульманки в том, что тот показывал карикатуру на пророка Мухаммеда) и в целом явное нежелание исламистов способствовать интеграции мусульман в общество. Исламисты действуют в сторону их радикализации, и это вызывает все большее общественное отторжение, на которое вынуждены реагировать власти — недаром в 2004 году во французских школах запретили хиджабы, а за этим последовали запреты на сокрытие лица в общественных местах, на госслужбе и в спорте.

Во Франции наиболее близкая к «Братьям-мусульманам»* группа — UOIF. Это объединение нескольких исламистских группировок, берущих начало в исламском центре вышеупомянутого Саида Рамадана в Женеве. Группа приобрела известность в 1989 году, когда двух девочек исключили из школы за то, что они носили хиджабы. UOIF начала организовывать акции протеста и быстро стала влиятельной силой в трущобах крупных французских городов. До этого мусульманские организации во Франции делились по странам происхождения их членов. UOIF, напротив, выступала за «французский ислам», хотя и не видела ничего противоречивого в том, чтобы финансировать его за счет иностранных денег. В 2017–2018 годах организация сменила название на Musulmans de France («Мусульмане Франции»).

Группа получает значительную финансовую поддержку из арабских стран. На 2009 год, по словам представителей UOIF, четверть ее годового бюджета, составляющего чуть менее 3 миллионов евро, или около 4 миллионов долларов, поступала от зарубежных доноров, особенно из Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Кувейта (а о связях этих монархий с американцами всем широко известно). Благодаря этой поддержке мечети UOIF становятся крупнее и получают больше голосов на муниципальных выборах, что значительно превышает реальную поддержку UOIF «на земле».

Таким образом, мигрантские мусульманские организации во Франции и ряде других стран Европы являются по сути своей внешне управляемыми, а их работа на радикализацию исламской молодежи способствует поддержанию социальной нестабильности в Евросоюзе (что видно и по нынешним протестам, которые вряд ли будут последними, учитывая растущее мировое неравенство). Также очевиден рост антимигрантских и в целом фашистских настроений, что, как мы писали выше, соотносится с общим планом фашизации Европы. А, возможно, и всего мира.

Ольга Максимова

Марин Ле Пен

Кристин Лагард

* — организация, деятельность которой запрещена в РФ.

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Модернизм искал новый язык, чтобы спасти человека после краха гуманизма — но высокая культура, оставшись достоянием узкого круга, не смогла уберечь СССР от разрушения

Модернизм и судьба человека

Почему великим писателям XX века понадобился новый художественный язык? Что связывает поток сознания с кризисом европейской культуры, а обращение к мифу и народной почве — с поиском будущего? Эти вопросы обсуждали на онлайн-встрече со зрителями театра 10 октября исследователи, участники студии театра «На досках» Андрей Берсенев, Александра Расинская и Юрий Высоков. Разговор о Гессе, Манне, Фолкнере и Кафке привел к дискуссии о судьбе гуманизма и месте литературы в жизни общества.

Ньюэлл Конверс Уайет. Возвращение домой. 1945

Почему прежнего языка стало недостаточно?

Андрей Берсенев: Когда читаешь Гессе, понимаешь: вопросы, которые он ставит, для него совершенно конкретны. От их разрешения зависит его собственное существование. Это внутренний конфликт, вокруг которого строятся его произведения. Он выявляет непримиримые противоположности и создает вокруг них целый мир. Иногда это заложено уже в названии, как в «Нарциссе и Гольдмунде».

Так почему появился модернизм? Почему люди стали писать иначе? Большие писатели создают стиль, чтобы выразить то, для чего прежние средства выражения уже недостаточны.

Одним из важнейших переломов стала Первая мировая война. Для европейского Запада это был крах надежд, крах привычного представления о капиталистическом человеке и гуманизме. Возникает вопрос: если чаяния, восходившие к Великой французской революции, растоптаны, как жить дальше? Писатели начинают приглядываться и к русской революции, даже если первоначально она им не близка. Они ищут ответ на насущный вопрос.

У Гессе и Томаса Манна постоянно возникает тема исчерпания культуры, человечности. Она может быть выражена через разговор о музыке или через другую художественную тему, но за ней стоит проблема: как возродить основания цивилизации и культуры, чтобы жить дальше? Это требует новых подходов.

Один из самых известных — «поток сознания». Форма должна служить содержанию, и, на мой взгляд, Джойсу это удается. У Джойса можно увидеть целый спектр возможностей: разные главы написаны в разных стилях.

Другой пример — «Шум и ярость» Фолкнера. Человеку, привыкшему к классическому роману, начало может показаться совершенно непонятным. Мы оказываемся внутри сознания Бенджи, взрослого человека с тяжелыми нарушениями интеллектуального развития. Привычного рационального подхода к чтению здесь недостаточно. Нужен другой ключ.

Александра Расинская: Когда читаешь литературу, в которой повествование не идет последовательно, часто хочется сразу выяснить: что автор хотел сказать этой деталью, что она символизирует? Если читать так начало «Шума и ярости», можно просто не продвинуться дальше.

Томас Манн

Но попробуйте сначала принять этот поток мыслей, представить, что он возникает у вас в голове. Постепенно обнаруживается внутренняя логика персонажа, его собственная правда. У Бенджи она очень искренняя: он любит свою сестру, и все время возвращается к ней в своих переживаниях.

Мы привыкли думать: глубокая литература обязательно сложна, а значит, недоступна. Если сразу ничего не поняли, надо отложить книгу и взяться за что-нибудь попроще. По-моему, это неверно. Даже ребенок способен что-то услышать и понять, если внимательно слушает. Я знаю девочку, которая начала воспринимать классическую литературу с «Осквернителя праха» Фолкнера. Мне же это произведение показалось довольно запутанным.

Воздействие литературы нельзя представить как лестницу, по которой мозг должен подняться до определенной ступени, прежде чем человеку разрешается читать Фолкнера. Искусство воздействует, если ты готов его воспринять. Глубокое, сложное — да. Невозможное для восприятия — нет.

Юрий Высоков: Получается, интерес к внутреннему миру человека потребовал новой формы?

Александра Расинская: Литература всегда раскрывала внутренний мир человека. Мне кажется, сам этот внутренний мир оказался в таком состоянии, что потребовал иной формы.

Кризис и поиски выхода

Юрий Высоков: Здесь есть парадокс. С одной стороны, начало XX века — время кризиса, и писателям нужны сложные средства, чтобы его передать. С другой — из этого кризиса люди взмывают к мечте. Вспомним Маяковского. Русская революция тоже произошла на фоне колоссального декаданса и кризиса.

Модернизм преимущественно фиксирует распад или ищет выход? В России мы видим Маяковского, Блока, Малевича. А как обстояло дело на Западе? Ведь и фашизм мы рассматриваем как определенную реакцию на кризис гуманизма, проявившийся в Первой мировой войне.

Андрей Берсенев: XX век — неустойчивая эпоха. Западный проект очень много говорил о человеке, фактически ставил его в центр мироздания. Но здесь важно разобраться, какого именно человека имели в виду.

На мой взгляд, капитализм и искусство той поры нельзя просто считать продолжением Ренессанса. Мы привыкли думать: раз одна эпоха следует за другой, значит, она ее продолжает. Мне такая модель представляется ошибочной. Ренессанс грезил целостным человеком. Капиталистический мир выдвигает специалиста. Я буду физиком, ты — химиком, третий — филологом. Но как мы будем понимать друг друга? Где объединяющее видение?

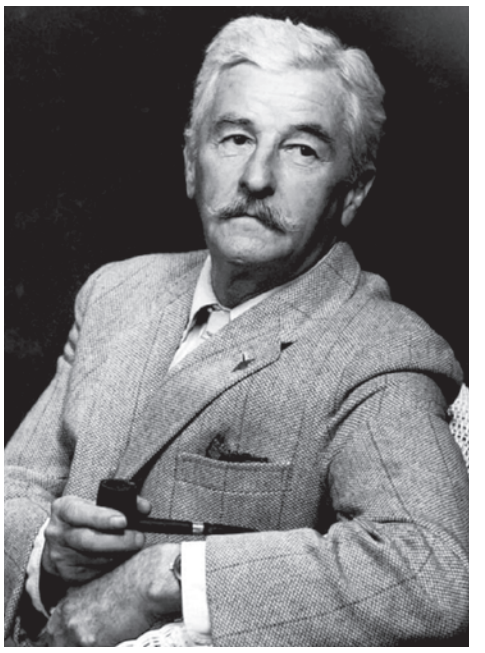
Поэтому модернистская литература обращается и к докапиталистическому прошлому: ей нужно понять, как жить дальше. Томас Манн в «Иосифе и его братьях» обращается к древнему миру. За переосмыслением библейского сюжета стоит сложная философская полемика.

Александра Расинская: В том числе соединение мифа об Осирисе с христианской темой.

Андрей Берсенев: Да. Я вижу здесь и полемику с эзотерическими представлениями, которые затем использовали националистические движения. Обращение к древности само по себе еще ничего не говорит о направлении поиска. Важно, что именно человек хочет в ней найти и ради чего к ней обращается.

Когда говорят, что фашизм вырастает из язычества, мне кажется, это упрощение. В интересовавших меня учениях язычество нередко выступало средством борьбы с христианством, а искали их авторы якобы существовавшую изначальную монотеистическую религию. Это отдельная большая тема. Но без понимания этих споров трудно увидеть, с чем полемизирует Манн.

Александра Расинская: На мой взгляд, обращаясь к мифу в XX веке, писатель неизбежно сталкивается и с тем, как миф

Уильям Фолкнер

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Карл Густав Юнг

используют фашисты. Приходится определять свое отношение к ним.

Художник и власть

Юрий Высоков: Мы вышли на тему отношений модернизма с элитами своего времени. За культурными направлениями могут стоять определенные круги и интересы. Как в это были «встроены» модернисты?

Андрей Берсенев: Единой схемы здесь нет. Отношения крупных модернистских авторов с властью складывались очень по-разному. У многих с официальной властью дружбы не получилось. Но есть и другие примеры — достаточно вспомнить Эзру Паунда и его отношение к итальянскому фашизму.

Александра Расинская: Вероятно, важно и то, какие цели преследовали сами художники. Эти цели могли совершенно не совпадать с целями власти.

Андрей Берсенев: Во всяком случае, я бы предостерег от конспирологии. Гений всегда больше тех структур, в которые входит или не входит. Вергилий может писать «Энеиду» по заказу императора Августа, но создаст произведение, значение которого окажется гораздо шире непосредственной государственной задачи. Можно ли свести такую литературу к намерению укрепить империю?

Юрий Высоков: В газете «Суть времени» есть цикл «Троянский конь культурной свободы», где наши товарищи исследовали, в какой степени продвижение определенных направлений современного искусства было связано с политическим заказом. Здесь же мы говорим о художниках, которые создавали миры и предлагали человечеству пути.

Андрей Берсенев: Модернизм очень многолик. При общности некоторых приемов — обращении к субъективному, к внутреннему миру героя, потоку сознания — художественные результаты совершенно различны.

У Фолкнера есть роман о семье, которая везет хоронить умершую мать. Казалось бы, один сюжет, но он раскрывается через голоса разных персонажей. Каждый из этих фрагментов можно читать как отдельное целое. Это не механическое повторение одной истории: в каждом голосе возникает свой мир.

Александра Расинская: И в «Шуме и ярости» история тоже рассказывается с разных точек зрения. Как ее воспринять, автор предоставляет решать читателю. При этом у Фолкнера существует целый мир, где персонажи и сюжеты переходят из произведения в произведение, хотя каждое можно читать отдельно.

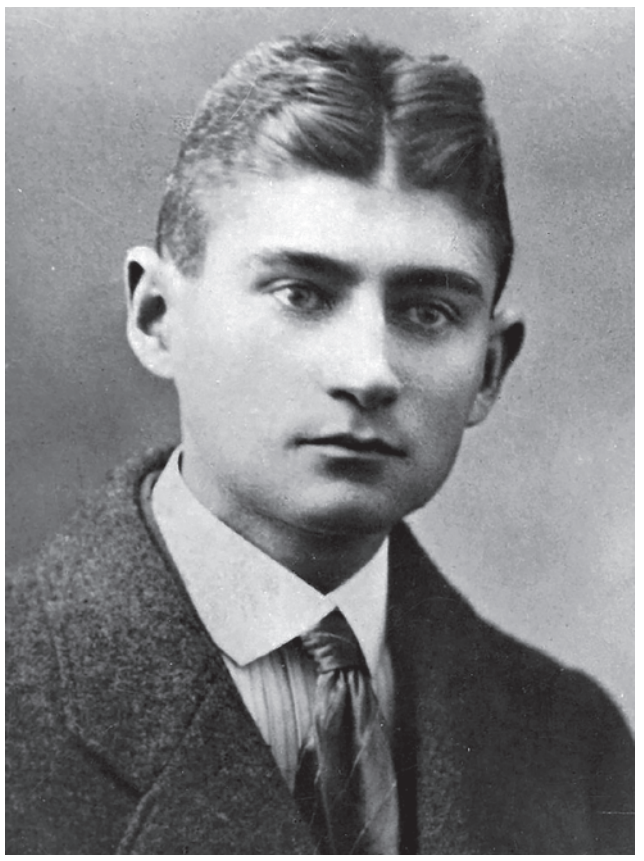
Почва и человеческая глубина

Андрей Берсенев: Здесь возникает вопрос, который я бы условно назвал «почвенным модернизмом». Сразу оговорюсь: я не знаю, существует ли такой термин у филологов.

В случае Кнута Гамсуна связь с почвой очевидна. От «Пана» до трилогии об Августе мы видим особую норвежскую землю, ландшафт, несущий дух народа. А вот Фолкнера мне трудно назвать почвенным писателем в том же смысле.

Среди американских авторов, которых я читал, он стоит особняком. Он не ограничивается рассказом об американском герое, отдельной моральной проблеме или социальной задаче. Не воспевает утраченную Америку в духе «Унесенных ветром».

Фолкнер пишет о выдуманном округе Йокнапатофа, о городе Джефферсоне, о вроде бы частных историях американского захолустья. Но за ними открывается глубинная Америка. Меня всегда поражало: как можно объявлять Америку главным врагом и при этом совершенно не знать ее великой литературы? Или, наоборот, восторгаться ею, не зная ничего дальше статуи Свободы? Что мы тогда вообще о ней знаем?

Франц Кафка

У Фолкнера я чувствую то, что назвал бы американской душой. Может быть, сегодня ее уже нет, но когда-то она была, и писатель сумел ее предъявить. Эту литературу пронизывает особый свет. Если он существовал в жестокой Америке, пронизанной чистоганом, то куда исчез? Не является ли это человеческой трагедией?

Если это почвенничество, я снимаю шляпу. Но мне кажется, здесь происходит нечто иное. Это глубоко экзистенциальная литература: «Шум и ярость», «Свет в августе», «Авессалом, Авессалом!» обращены к самому существованию человека.

При этом такой экзистенциализм не обязан знать, что он так называется. «Тошноту» Сартра тоже стоит прочитать, но у меня остается ощущение литературного произведения, написанного философом. А у Фолкнера я вижу большую литературу, у которой есть философское измерение.

Александра Расинская: В крупной литературе всегда присутствует мировоззрение автора. Но оно дано через множество личных историй, переживаний, через сам стиль. Иногда читатель даже не сразу понимает, что произошло: он узнает лишь, что об этом думает тот или иной персонаж.

Автор позволяет нам самим погрузиться в этот мир и прийти к выводам через собственное переживание. В этом сила великой литературы, и далеко не только модернистской.

Новое знание о человеке

Юрий Высоков: Меня давно занимает вопрос: когда, например, Юнг создает свои теории бессознательного, означает ли это, что прежде никто ничего подобного не понимал? Или кто-то из мыслителей прошлого знал то же самое, но говорил другими словами?

С модернизмом возникает похожий вопрос. Это определенная ступень развития человечества, на которой стало известно что-то новое о человеке, и для выражения этого знания понадобилась новая форма?

Андрей Берсенев: Возможно. Сразу ответить я не готов. Но у Юнга очевидна связь с гораздо более ранней традицией — с гностическими текстами, с алхимией. Его невозможно понять без этого круга интересов. То, о чем он пишет, не возникает на пустом месте.

Александра Расинская: Может быть, дело еще и в изменении акцентов. Раньше определенные вопросы рассматривали прежде всего с теологической точки зрения, а Юнг направляет их непосредственно на человека. Он может заимствовать идеи, но по-другому расставлять акценты в соответствии со своей эпохой.

Андрей Берсенев: Мне кажется, сила Юнга именно в том, что для него психология не самодостаточна. Разговор о душе выводит его к метафизике. Нельзя разобраться в человеке, не поставив этих вопросов.

Александра Расинская: Начинаешь читать вроде бы психологическую работу и быстро оказываешься внутри философии, которая мне лично не близка.

Юрий Высоков: Насколько я знаю советскую психологию, она сторонилась Юнга

Герман Гессе

из-за его антинаучности. Но вместе с тем не считала нужным достаточно глубоко вникать в эти проблемы и искать на них ответ. Мне кажется, это касается и более широкого круга советских гуманитарных проблем.

Андрей Берсенев: Я тоже считаю это большой ошибкой. При этом изучать подобные концепции вовсе не означает принимать их. У самого Юнга есть тексты, требующие серьезного критического отношения. В частности, в эссе «Вотан» он обращается к образу пробуждения древнего архетипа, рассуждая о происходящем в Германии. Такие идеи нельзя оставлять без внимания.

Притча Кафки о вратах Закона

Андрей Берсенев читает отрывок из «Процесса» Кафки, который начинается словами: «У врат Закона стоит привратник. И приходит к привратнику поселянин и просит пропустить его к Закону».

Андрей Берсенев: Для меня это очень показательный пример модернистской литературы. Перед нами притча, но сколько здесь психологического, аллегорического, метафорического! Врата можно понимать как путь к Богу, к истине. Это оставлено нашему восприятию.

Александра Расинская: И при этом здесь очень много личного — того, в чем можно узнать что-то свое.

Юрий Высоков: Когда мы вспоминаем эту притчу, обращение Гессе к духовной культуре Востока, «Игру в бисер», речь идет о поиске метафизических оснований в ситуации, когда они утрачены или утрачиваются.

Человек перед технической революцией

К разговору присоединяются зрители. Один из вопросов касается романов Homo faber Макса Фриша и «Бильярд в половине десятого» Генриха Белля: можно ли рассматривать их в контексте модернизма?

Андрей Берсенев: Конечно. И я тоже рекомендовал бы их прочитать. Там важны

Окончание на стр. 16

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 15

метафоры, притчевость, нестандартные способы повествования.

Олег, участник встречи: Можно ли рассматривать модернизм как ответ культуры на промышленную революцию, урбанизацию, возникновение нового мира, который людям еще только предстояло освоить? Сегодня мы тоже переживаем перемены, связанные с искусственным интеллектом. Есть ли здесь историческая параллель?

Андрей Берсенев: Конечно, такое измерение есть. Любой большой художник общается со своей эпохой. Крупное произведение — это его встреча со временем.

Я вспоминаю один из любимых своих эпизодов у Фолкнера, в «Особняке», завершающем трилогию о Сноупсах. Минк Сноупс выходит из тюрьмы после долгого заключения. Перед ним совершенно изменившаяся Америка: автомобили, большие города. Он словно переместился во времени.

Но у него есть стержень, пусть страшный: приобрести револьвер и убить родственника, из-за которого его заключение затянулось. И он все время ведет внутренний разговор с Богом, которого называет Старым Хозяином.

Не нужно одобрять его цель, чтобы увидеть масштаб этого образа. Для героя города и технологии остаются чем-то частным по отношению к его внутренней жизни. Мне кажется, Фолкнер даже через такого человека утверждает: человеческий внутренний мир, его принципы, его диалог с Всевышним масштабнее технических перемен.

Александра Расинская: Да, я согласна.

Андрей Берсенев: Но есть и другое движение. Гамсун ненавидит урбанизацию. В трилогии об Августе герой несет новые веяния, непостоянство, искание нового. Август не то чтобы плохой человек. Отношение автора к своему герою сложнее. Но в конечном итоге все нововведения Августа ведут к потерям, неудачам, разрушению. Человек выпустил джинна из бутылки и теперь вынужден жить с последствиями.

Юрий Высоков: Здесь напрашивается параллель с разными направлениями романтизма — революционным и реакционным. Как будто перед нами тоже два разных модернизма.

Андрей Берсенев: Например, Байрон и Озерная школа. Да, такую параллель можно провести.

Что прочитал советский читатель

Владимир Васильев, участник встречи: Какое эхо модернизм вызвал в Советском Союзе? Советская культура умела воспринимать и изучать лучшее. Какой диалог советские авторы вели с этим явлением?

Андрей Берсенев: Я бы начал с Пастернака. Когда называешь его имя, обычно вспоминают «Свеча горела на столе...» — позднюю поэзию. Но ранний Пастернак — крупный модернистский поэт. Вспомним «Спекторского», «Девятьсот пятый год», «Лейтенанта Шмидта».

Общество знает определенную часть творчества этого не только очень крупного, но и вполне признанного поэта, однако его искания нового — остаются в тени... Похожий вопрос можно задать о Цветаевой: насколько широко знают ее сложные поэмы?

Александра Расинская: У меня тоже есть сомнение, насколько широко авторов, о которых мы сегодня говорим, читали за пределами профессиональной среды. Возможно, мое впечатление ошибочно, но доступность книги и ее действительное прочтение — разные вещи.

Андрей Берсенев: Мне кажется, многие из этих достижений, поиски новых гуманистических ответов оставались достоянием узкого круга. Это серьезная общественная проблема. В определенных кругах такую литературу хорошо знали, а широкий читатель далеко не всегда с ней встречался.

Можно провести параллель с архитектурой. Конструктивизм двадцатых годов был новым словом в организации пространства и городской жизни. Достаточно увидеть дом Константина Мельникова в Москве. Затем на смену ему пришел сталинский ампир, своего рода новый классицизм. Допустим, он был нужен, но зачем было подавлять предшествующий поиск? Здесь проявляется противоречивость советской эпохи.

Юрий Высоков: Елена Серебрякова пишет, что советским людям была доступна великая литература всего мира: Фолкнер, Элиот, Манн, Гессе. Возможно, их знали даже лучше, чем на родине. Не возникало ли из этого ощущение, что за пределами СССР тоже «везде свои»?

Андрей Берсенев: Я бы не спешил с таким сравнением. Мы привыкли к образу советского человека, который едет в метро и читает. Но западное общество гораздо сильнее разделено на образованные и малообразованные слои. Люди с серьезным гуманитарным образованием этих авторов знают, да.

А насколько широко у нас читали, например, Томаса Стернза Элиота? Думаю, его знали немногие. Здесь возникает и вопрос перевода. Русская школа перевода Шекспира имеет огромную традицию. С переводами Элиота, на мой взгляд, положение сложнее: например, те переводы «Бесплодной земли», с которыми я сталкивался, не передавали форму и ритм поэмы. Ну и сильно искажали смысл.

Может ли литература вновь стать общей силой?

Максим, участник встречи: Не слишком ли мы прибедняемся? Во все эпохи передовых авторов читала небольшая часть общества. В Советском Союзе возможности познакомиться с мировой литературой были гораздо шире, чем прежде. Сегодня такие возможности тоже есть. Как бы нам не пропустить произведения, которые через пятьдесят или сто лет назовут великими, а нас — слепыми современниками.

Андрей Берсенев: Мне кажется, изменилось само положение литературы. Модерн был литературоцентричной эпохой. Национальная литература участвовала в создании национального государства, в воспитании гражданина. Сегодня я не вижу у нее этой роли.

И признание не всегда приходит только через пятьдесят лет. Пушкина знали сразу, Достоевского знали сразу. Бывают и другие судьбы, но нельзя все объяснить неизбежной слепотой современников.

Моя оценка нынешней литературы довольно жесткая. Премий много, но я не чувствую за ними прежней силы. Литература перестала ворожить — вот мое ощущение.

Александра Расинская: Дай бог, чтобы через пятьдесят лет мы открыли какую-нибудь сегодняшнюю книгу и поняли, что это шедевр. Я была бы рада. Но пока я вижу большой кризис литературы.

Я не противник интернета и не предлагаю разбивать машины и уходить в лес. Однако массовое распространение контента часто делает популярным то, что требует наименьшего напряжения. Визуальные образы легко удерживают внимание, а книга требует времени и погружения.

При этом никто не говорит, что в советское время читали меньше, чем до революции. Сила советского проекта именно в том, что он открыл широким массам доступ к высокой культуре.

Андрей Берсенев: Но, сказав о силе, нельзя же не сказать о слабости?

Да, доступ к высокой культуре был открыт. Но ведь требуется время и годы, десятилетия кропотливого труда, чтобы эта высокая культура во всей ее сложности была привита каждому. Была ли решена эта задача? Мне представляется, что нет. Более того, знатоки и ценители сложной литературы, в которой и разминались все «проклятые вопросы» современности, были узкой группой. Наверное, можно назвать ее гуманитарной интеллигенцией. Но не в названии дело. А в том, что эта группа фактически полностью перешла на антисоветские позиции и в итоге запустила процесс разрушения СССР, поддержанный — чего греха таить? — широкими массами.

Огрубляя, можно сказать, что любители Элиота, Кафки etc. толкнули этот паровоз. (Помните знаменитое «процесс пошел»?) А широкие массы, приобщенные благодаря системе образования к Пушкину, Чехову, Достоевскому, поддержали этот сугубо разрушительный и невыгодный для них процесс. Возникает вопрос: может, и с изучением Пушкина, Достоевского и т. д. у нас было не все в порядке, раз так легко повелись на этот трюк?

Вот этим вопросом, совсем не пустяшным, как мне кажется, открывающим новую тему, предлагаю и закончить наше обсуждение.

Эрнст Людвиг Кирхнер. Уличная сцена в Берлине. 1914

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77–50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: С. Е. Кургинян
Издатель: «Экспериментальный творческий фонд развития науки и культуры», Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001
Главный редактор: С. Е. Кургинян

Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691–50–03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФОП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 1651-26
№ 687 (687) от 11.11.2026
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8 000, цена свободная